

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
художественно-литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи:
 На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп
 На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяць . . . 25 коп
 Объявленія на страницахъ обложки: на 2-й—1 р. 50 к.;
 на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ дополнительныхъ 60 к.
 за строку понареіаю.

Главная Контора и Редація: С.-Петербургъ, Галерная, 40
 Отдѣленіе: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“,
 Невскій пр., 50 (уголь Садовой).

Оригинальный рисунокъ Пьер-О для журнала «Огонекъ»

Падшахъ мирно жилъ и въ оковахъ морилъ
 Конституцію.
 Тридцать лѣтъ такъ держалъ, пока вдругъ
 не узналъ
 Революцію.

Младотурки пришли и бѣдняжку нашли
 Въ униженіи.
 Падшахъ задрожалъ, увѣрять ее сталъ
 Въ уваженіи.

И на тронъ посадилъ, даже шляпу купилъ
 Онъ ей модную...
 Славу этимъ стяжалъ и любовь оиъ
 снискалъ
 Всенародную.

Да лукавый смутилъ,—мигъ Абдулъ улу-
 чилъ,—
 Тарарахнулъ!..
 И народъ молодой отъ обиды такой
 Только ахнулъ!..

Долго думалъ, рядилъ, а потомъ осудилъ
 Падшаха,
 Чтобъ коварный Абдулъ снова всѣхъ не
 надулъ
 Вродѣ шаха:—

Взять его и сослать, чтобъ не сталъ поевать
 Съ Конституціей,
 Женъ же всѣхъ распродать, чтобъ рас-
 ходъ оправдать—
 Контрибуціей!

ПЬЕР-О.

С.-Петербургское общество страхованій

Основанное
въ 1858 г.

принимаетъ страхованія: жизни, отъ огня и отъ несчастн. случ.
КАПИТАЛЫ ОБЩЕСТВА:

Основной — 3.000.000 р., резервн. и запасные свыше 17.000.000 р.
ПРАВЛЕНІЕ — СПбургъ, Невскій, 5, соб. д. ОТДѢЛЕНІЕ — Невскій, 66.
Агентства во всѣхъ городахъ Имперіи.

Русская конституція 1730 года и ея отмѣна.

Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена.—Митавскіе пункты.—Притязанія Верховнаго совѣта.—Возбужденіе дворянства.—Возстановленіе абсолютизма.—Уничтоженіе пунктовъ.

Попытка верховнаго совѣта въ 1730 году при возведеніи на тронъ Анны Іоанновны ограничить самодержавіе является одною изъ наиболѣе интересныхъ страницъ русской исторіи.

Яркій свѣтъ на это событіе проливаютъ опубликованныя теперь «Русскою Старинною» дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена, адресованныя имъ своему монарху.

Въ донесеніи отъ 9-го марта 26-го февраля 1730 года Вестфаленъ пишетъ:

«Въ настоящее время верховный совѣтъ занявъ составленіемъ двора Ея Величества парицы, который, какъ говорятъ, будетъ медіе блестящъ, чѣмъ дворъ умершаго монарха, потому что финансы Россіи требуютъ нѣкоторой экономіи. Какъ только составъ двора будетъ оконченъ, сообщу вамъ и скажу, какую сумму назначать ея величеству на покрытіе этихъ издержекъ, на ея собственные мелкіе расходы и разныя другія нужды; впоследствии мы увидимъ, заставятъ-ли ее строго соблюдать все, къ чему она обязалась, подписавъ въ Митавѣ пункты, какъ нѣкотораго рода кондиціи, безъ которыхъ не могло бы состояться ея избраніе. Что касается самихъ пунктовъ, ихъ содержаніе въ сущности слѣдующее:

- 1) Она будетъ царствовать и управлять своимъ народомъ съ согласія совѣта.
- 2) Она не вступитъ снова въ бракъ безъ согласія совѣта.
- 3) Она не имѣетъ права начинать войну, заключать миръ, или вступать въ союзъ съ другими державами, безъ согласія совѣта.
- 4) Она не имѣетъ права расходовать государственныя суммы безъ согласія совѣта.
- 5) Она не имѣетъ права налагать на народъ денежныхъ податей безъ согласія совѣта.
- 6) Первые государственныя должности: гражданскія, военныя и морскія должны быть жалуемы съ согласія совѣта.
- 7) Ей не дозволено отчуждать государственныя земли.
- 8) Ни изъ высшаго, ни изъ низшаго дворянства никто не будетъ казненъ смертию, сосланъ, или лишенъ состоянія безъ формальнаго и безпристрастнаго суда».

Москва 13 (2) марта 1730 г.

«Ваше Величество! Революціи были такъ часты въ этой странѣ, въ особенности со времени невозвратимой связи царицы Екатерины съ камергеромъ Монсомъ, поведшей за собою уничтоженіе завѣщанія, составленнаго Петромъ I въ ея пользу, въ которомъ онъ назначалъ ее своей преемницей, что ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ, и не знаешь, какому святому молиться».

Верховный Совѣтъ Россіи, увеличенный въ своемъ составѣ еще двумя членами — фельдмаршалами Голицынымъ и Долгорукимъ, возвелъ на российский престолъ единоплеменнымъ избраніемъ вторую дочь царя Ивана Алексѣевича, вдовствующую герцогиню курляндскую; избраніе это было

одобрено Сенатомъ, генералитетомъ и всѣми другими русскими государственными коллегіями. Если бы Верховный Совѣтъ удовольствовался счастливымъ своимъ избраніемъ и всеобщимъ одобреніемъ, встрѣченнымъ имъ повсюду, онъ сохранилъ бы за собой уваженіе, силу и власть, но онъ самовольно, не посоветовавшись съ другими коллегіями даже и съ генералитетомъ, предпринялъ измѣненіе образа правленія, обязавъ новую царицу подписать пункты, которые лишали ее самыхъ значительныхъ царскихъ преимуществъ. Это побудило нѣкоторыхъ лицъ изъ генералитета и изъ мелкихъ чиновниковъ Сената и другихъ государственныхъ коллегій, принадлежавшихъ къ низшему дворянству, которое по многимъ причинамъ естественно болѣе склонно къ монархическому, чѣмъ къ аристократическому правленію, возразить противъ того, что Верховный Совѣтъ по собственному побужденію сдѣлалъ для измѣненія прежняго образа правленія.

Но такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ выставить себя противникомъ учрежденія національной свободы, то они высказывали единственное желаніе, чтобы Верховный Совѣтъ былъ преобразованъ, чтобы число его членовъ было увеличено до 21-го, а Долгорукіе и Голицыны удалены, за исключеніемъ одного лица изъ каждой фамиліи. Это служило покровомъ для ихъ истиннаго намѣренія, состоявшаго въ сохраненіи прежняго образа правленія, хотя ни словесно, ни письменно они этого не касались въ своихъ заявленіяхъ Совѣту.

Винники этого раздора и вражды противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ были высшее духовенство, баронъ Остерманъ съ женой, Салтыковы — родственники царицы по матери, ея тетка по матери — жена князя Ромодановскаго¹⁾, княгиня Черкасская, расположенная къ Салтыковымъ и держащая въ рукахъ своего мужа, и, наконецъ, друзья и сторонники принцессы Елизаветы и голштинскаго ребенка. 8-го марта болѣе 800 человекъ изъ дворянства, занимающихъ гражданскія, или военныя должности, подписали свое всенижайшее заявленіе, думая, что настала пора нанести рѣшительный ударъ. 150 человекъ изъ главныхъ военныхъ отпразднись въ этотъ день въ Кремль, требуя отъ Верховнаго Совѣта, въ то время засѣдавшаго, чтобы ихъ выслушали. Получивъ согласіе Верховнаго Совѣта, они вручили бумагу, съ изложеніемъ своихъ справедливыхъ неудовольствій. Верховный Совѣтъ приказалъ прочесть эту бумагу вслухъ и, уразумѣвъ ея содержаніе, объявилъ имъ свою готовность удовлетворить ихъ желанія.

Во главѣ представившихъ прошеніе находились: сенаторъ князь Черкасскій, чело-

* 1) Тетка Анны Ивановны, кн. Анастасія Теодоровна Ромодановская, рожд. Салтыкова, родная сестра царицы Прасковьи Теодоровны, матери императрицы. Княгиня А. Ф. Ромодановская была замужемъ за д. т. сов., княземъ-кесаремъ Ивановъ Теодоровичемъ Ромодановскимъ.

вѣкъ умный, знаменитаго и древняго рода, но татарскаго происхожденія и поэтому не особенно почитаемый другими древними фамиліями Россіи; генераль-лейтенантъ, майоръ гвардіи князь Юсуповъ, тоже татарскаго происхожденія, первый изъ своего рода принявшій крещеніе (отецъ его умеръ магометаниномъ), вслѣдствіе этого сильно презираемый древними русскими фамиліями, наконецъ, генераль-лейтенантъ Чернышевъ, александровскій кавалеръ, изъ низшаго дворянства и притомъ великій интригантъ.

Челобитчики удалились и вздумали отправиться къ государынѣ, у которой тайно заручились обѣщаніемъ милостиваго приѣма и благосклоннаго принятія просьбы. Объ нихъ доложили; Ея Величество соизволила тотчасъ же дать имъ аудіенцію и, выслушавъ ихъ жалобы, выразила желаніе, чтобы установилось полное согласіе между дворянствомъ и Верховнымъ Совѣтомъ, прибавивъ, что, какъ только Верховный Совѣтъ рѣшится уступить ихъ желаніямъ, она съ своей стороны будетъ содѣйствовать и все одобрить.

Послѣ такого приѣма, челобитчики возвратились въ Верховный Совѣтъ и рассказали о происшедшемъ на аудіенціи у государыни.

«По моему мнѣнію, снисходительность нашей всемилостивѣйшей государыни и обращеніе ея съ подданными заслуживаетъ съ нашей стороны искренней признательности», сказалъ князь Юсуповъ.

Чернышевъ добавилъ къ этому: «Мы не можемъ лучше возблагодарить Ея Величество за всѣ милости къ народу, какъ возвративъ ей похищенное у нея, т. е. ту самодержавную власть, которой пользовались всѣ ея предки».

Князь Черкасскій, поддерживаемый великимъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ, громко воскликнулъ вмѣстѣ съ остальными: «да здравствуетъ наша самодержавная государыня Анна Ивановна».

Князья Голицыны и Долгорукіе, не будучи въ состояніи долѣе этому сопротивляться, сказали:

«Пойдемъ, соединимся къ другимъ и да будетъ такъ, какъ предопредѣлено Св. Провидѣніемъ».

Предупрежденная о происшедшей сценѣ, государыня съ улыбкой приказываетъ открыть двери своихъ покоевъ, говоря: «скоро у меня соберется большое общество».

Челобитчики являются первые, предлагая государынѣ самодержавіе отъ имени всего дворянства, что съ своей стороны повторяетъ Верховный Совѣтъ минуту спустя. Государыня, не колеблясь, принимаетъ ихъ предложеніе и въ ихъ присутствіи разрываетъ пункты, которые заставили ее подписать въ Митавѣ, затѣмъ она всѣхъ милостиво благодаритъ и дозволяетъ разойтись по домамъ.

Вотъ вкратцѣ вѣрная исторія революціи, бывшей здѣсь въ прошедшій четвергъ, 9-го марта новаго стilia.

Я радуюсь сохраненію самодержавной власти российскихъ царей, которая, мнѣ кажется, болѣе соотвѣтствуетъ интересу Вашего Величества, чѣмъ слишкомъ значительное униженіе российскихъ силъ, которое неминуемо послѣдовало бы за уничтоженіемъ самодержавія».

Послѣднія строки необычайно характерны. Еще почти 180 лѣтъ тому назадъ наиболѣе умные изъ иностранцевъ сознавали, что введеніе конституціи удесятеритъ мощь Россіи и вызоветъ ростъ ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ.

Императорское С.-Петербургское Общество

Поощрения Рысистаго Коннозаводства.

На Семеновскомъ
плацу

Б Ъ Г А.

Въ воскр., 26-го апр. — пр. — 9778 руб.
„ вторн., 28-го „ — „ — 7524 „

Въ четв., 30-го апр. — пр. — 7910 руб.
„ воскр., 3-го мая — „ — 10168 „

ТЕАТРЫ

СПБ. Попечительства о Народной Трезвости:

Народный Домъ Императора Николая II: Воскресенье, 26 апреля, въ 12 1/2 ч. — „Жизнь ляди Тома“, драма по ром. Бичерль-Стоу, пер. Федорова. — 5 час. — „Поздняя любовь“, пьеса Островскаго. — 8 час. — „Фауст“, опера. — **Понедѣльникъ**, 27 — „Петръ Великій“, ист. хрон. — **Вторникъ**, 28 — „Гугеноты“ опера. — **Среда**, 29 — Закрытие зимняго сезона, въ послѣдній разъ: „Страшная мѣсть“, фантастическая повѣсть Н. В. Гоголя.

Василеостровскій театръ: Воскресенье, 26 апреля, — „Марія Стюартъ“, трагед. Шиллера. — **Четвергъ**, 30 — закрытіе зимняго сезона. „Доходное мѣсто“, комед. Островскаго.

Бывшій Стекланный Заводъ: Воскресенье, 26 апреля, — Закрытие зимняго сезона. 1) Концертъ учащихся въ бесплатныхъ Музыкально-хоровыхъ классахъ СПБ. Городскаго Попечительства. — 2) „Каменный гость“, драмат. сп. А. С. Пушкина. Начало концерта въ 7 час. вечера. * Начало спектаклей въ 8 час. вечера.

НОВЫЙ ЗАЛЪ ТЕАТРАЛЬНАГО КЛУБА (Литейный пр., 42).

ежедневно

Кабаре „Кривое зеркало“ (подъ управл. З. В. Холмской). „Жакъ нуаръ и Анри“, „Заверши или пропавшій документъ“. Въ „Гаремѣ“, оперетта въ 1 дѣйств., текстъ Чужь-Чуженина, муз. Гебена. „Загадка и разгадка“, сцена изъ испанской жизни въ 1-мъ д., соч. В. О. Трахтенберга. „Вампука, невѣста Африканская“, (образованная во всѣхъ отношеніяхъ опера. Имитация г-жи Озаровской-Романсы исп. г-жа Абрамянь. Имитация танца Дунканъ, исподн. г-нъ Икаръ, Имитация г-жи Давыдовой. Озаровской и др. Цѣны мѣстамъ обыкновенныя (отъ 4 р. 20 к. до 1 р. 20 к.). Билеты продаются въ кассѣ клуба ежедневно съ 1 ч. дня.

Театръ ПАССАЖЪ. гастролы С. В. Сабурова

Со своей труппой.

За синей птицей.

Злободн. пародія - шаржъ въ 3-хъ д. Карт. 1-я. въ спальнѣ у Тото. Карт. 2-я. Балъ-маскарадъ въ кафе-шантанѣ „Синяя птица“. Карт. 3-я. Синяя птица нашлась. Пьеса эта есть пародія на изв. сказку Метерлинка „Синяя птица“, причѣмъ всѣ сцены и пост. предсталл. изъ себя тон. копю постан. въ Моск. Худ. театрѣ. Спец. прив. изъ Москвы стилиз. дек. 6) рядъ предст. при переп. сборѣ и колосс. усп. Гл. роли исп.: Тото (Митиль) — Е. А. Ефковская. Мими (Тильтиль) — Е. М. Грановская. Часъ ночи — Н. Ф. Ледаръ-Лейнгартъ. Фея Тюрлюруна — Е. А. Бураковская. Дѣдушка — П. В. Казанскій. Бабушка — А. Е. Баранова. Душа кошелька — С. А. Пальмъ. Душа пудры — А. Н. Монахова. Душа лекалента — С. О. Сабуровъ. Душа дамск. панталонъ — М. И. Таллина. Душа мопса — М. Н. Броншель. Душа холеры — М. В. Горскій. Душа ботинки — Н. Н. Вертинская и др. Кабинеты многолюдныя соврем. ерунды, стар. воспом. никому ненужныхъ вещей. Струнн. орк. о-ва взаимопомощи оркестровъ, музыкантовъ. **Первое представленье въ четвергъ, 23-го апрѣля.** Билеты прод. на 8 спект. ежедн. въ кассѣ театра „Пассажъ“ съ 12 до 5 ч. в., а въ дни спектакля съ 11 час. утра.

НОВЫЙ ЛѢТНИЙ ТЕАТЪРЪ

Дирекція С. Н. НОВИКОВА. ЕЖЕДНЕВН : оперетта, балетъ и дивертиссементы.

Уч. г-жи Валентина-Лизъ, Потолчина, Арабельская, Ленская, Арнольди, Щетинина, Александрова, Демаръ и др. Гл.: Августовъ, Грековъ, Тумашевъ, Милотинъ, Рокатянь, Фекинъ, Улихъ, Анчаровъ, Камчатовъ, Костинъ, Калитинъ и др. Хоръ 60 чел. Оркестръ 32 чел. Балетъ 16 чел., подъ управл. г. Вѣяхновскаго. Гл. директоръ А. Б. Вилинскій. Гл. режис. М. И. Кригель.

Театръ АКВАРИУМЪ

съ 25 Апрѣля гастролы

Вѣнской оперетты

Императорско-Королевскаго Вѣнскаго Опереточнаго театра „An der Wien“ подъ личнымъ управленіемъ директоромъ этого театра В. Нарчага и Н. Вальера, съ участіемъ **ГЕРДЫ ВАЛЬДЕ**, Греты Петровичъ, Франца Главача, Франца Гросса и Юлиуса Герольда. **ОТКРЫТИЕ** — 25 апрѣля: „Вальсъ любви“; 26 „Вальсъ любви“; 27 „Веселый крестьянинъ“; 28 „Принцесса Долларовъ“; 29 „Вальсъ любви“; 30 „Веселый крестьянинъ“; 1 мая, „Карлсбадская фея“; 2 „Принцесса Долларовъ“.

Предварительная продажа бил. въ магазинъ Рабонъ, Невскій 30, ежедневно отъ 11 до 6 ч. веч. и по воскресеньямъ съ 1 до 6 ч. веч.

„АКВАРИУМЪ“ Ежедневно

„Вольшой Дивертиссементъ“

Каменноостровскій пр. 10—12. первоклассныхъ артистовъ. Французскіе экцентрики **Maxim D'Ель**, Оперная пѣвица г-жа **Смирнова**, **Wramson**, **Oberbeck** и мн. др. Подробности въ афишахъ. По субботамъ цыганскіе концерты. Каждое 1-е и 15-е новые дебюты.

Каменное здание.

Основанъ въ 1847 году.

Ежедневно большія гала предетавленія

Продолженіе международныхъ состязаній во французской борьбѣ на Первенство міра 1909 г. для борцовъ тяжелаго и легкаго вѣса

Кромѣ того, большая разнообразная

Гала—программа.

Касса открыта съ 10 час. утра. Телеф. № 165.

Директоръ **Г. Чинизелли**.

Новый Циркъ

Уголь Кронверкскаго и Каменноостровскаго пр. Телефонъ № 109—99.

ЕЖЕДНЕВНЫ

Гала-Представленія,

по новой программѣ и нов. дебюты знаменит. артистовъ.

Международн. чемпионатъ французской борьбы.

для профессиональн. борцовъ всѣхъ странъ на 5 призовъ въ общей суммѣ 6000 франк., золотая и серебрян. медали.

Билеты продаются въ Центральной кассѣ, Невскій, 23, тел. 89—08, и въ кассѣ цирка отъ 10 час. утра и до окончанія представлениа.

1 НА ГОДЪ съ пересылкой. РУБ.

„Здравіе Семьи“

популярно-медицинскій ежемѣсячный журналъ, издаваемый **С. М. Пропперомъ**, подъ редакц. д-ра мед. **Е. Г. Ландсберга** и при участіи извѣстныхъ специалистовъ медицинской науки.

1 НА ГОДЪ съ пересылкой. РУБ.

Въ журн. дѣ „Здравіе Семьи“ помѣщаются статьи по вопросамъ практической медицины, общей и личной гигиены, о новѣйшихъ лечебныхъ средствахъ и способахъ леченія, практическіе совѣты на случай внезапнаго заболѣванія и указаніе мѣръ, которыми слѣдуетъ пользоваться до прибытія врача, подробныя отвѣты на вопросы читателей.

Въ 1909 году всѣ годовые подписчики получаютъ бесплатно **ТРИ МЕДИЦИНСКИХЪ КНИГИ:**

- 1) Болѣзни сердца — проф. Эйхгорета (96 стр.); 2) Болѣзни желудка и кишекъ — проф. Эвальда (96 стр.); 3) Болѣзни печени и почекъ — проф. Эвальда (48 стр.).

Подписная цѣна на журналъ „Здравіе Семьи“ со всѣми приложеніями **одинъ рубль** въ годъ съ перес. въ Россіи.

Главная Контора изданій **С. М. Проппера**: СПБ., Галерная ул., с. д., 40.

Подписка также принимается въ Невскомъ отдѣленіи газеты „Биржевыя Вѣдомости“, Невскій пр., д. 50.

Иногда сгущаются мягкия весеннія сумерки, Вѣрочка подолгу сидитъ у окна и смотритъ на пустынную улицу, прислушивается, какъ тихо и убаюкивающе звонятъ колокола стараго монастыря на близкомъ озерѣ.

Вѣрочка любитъ этотъ тихій, серебряный звонъ монастыря, который будитъ ее по утрамъ, какъ вѣжная ласка, и навѣваетъ туманныя думы, далекия грезы. Маленькій городокъ, въ которомъ отецъ Вѣрочки занимаетъ должность начальника почтовой конторы, рано засыпаетъ. Здѣсь люди живутъ тихо и смиренно. Нѣтъ шумнаго прибога жизни.

Тихою печалью вѣетъ отъ сѣрыхъ домиковъ съ покосившимися стѣнами и зазеленѣвшимися крышами. Внутри этихъ домиковъ пахнетъ сыростью и нуждою. Тамъ ползутъ тѣни сѣрыхъ будней.

Жители Богомъ забытаго, заброшеннаго городка чувствуютъ себя точно наглухо затворенными отъ остальнаго міра. Ежедневно, въ одно и то же время они начинаютъ свой скромный трудъ и имъ хочется вѣрить, что они дѣлаютъ что-то важное, большое.... Но на ихъ лицахъ всегда какой-то странный испугъ.

Весною, когда вѣкругъ маленькаго городка, несетя дыханіе весеннихъ просторовъ и смѣется ясное небо, маленький городокъ точно просыпается отъ долгаго сна.

Синѣющей грядой тянутся убѣгающіе вдалѣ холмы, кручи и обрывы.

Просыпаются окаймляющіе городокъ лѣски и переселки чернолѣсья и радуется глазъ зелень сосны и ели.

Къ старому монастырю около города стекаются черной волной богомолки изъ дальнихъ мѣстъ, эти трогательныя существа съ вѣчной тревогой въ душѣ, съ вѣчнымъ исканіемъ чего-то свѣтлаго, радостнаго.

II.

Вѣрочку послѣ окончанія гимназіи часто стала одолевать тоска отъ скучнаго ничтогонеделанія. Ей хочется освѣжить свою юную душу чѣмъ-нибудь. Временами страдальческое выраженіе искажаетъ милое юное лицо. Ей все мерещится что-то тоскливое, жуткое.

Шумятъ старыя яблони въ саду, и въ душу Вѣрочки стучится тревожная мысль: «жизнь такъ сложна».

Вѣрочка ищетъ забытыя въ мечтахъ. Она вся углубляется въ какіе-то ясные, серебряныя сны. Ей представляется лѣто. Она лежитъ въ травѣ на лугу... надъ нею голубое небо... кургомъ неумолкаемо стрекочутъ кузнечики... На душѣ становится такъ спокойно, неподвижно ясно... Или она видитъ ржаное поле съ васильками, тихое озеро, слышитъ ласковый звонъ монастыря, и чудится ей прекрасное сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ, чудится, какъ этотъ городъ со всеми своими жителями, съ церквями, домами скрылся въ озеро отъ Батыева преслѣдованія. Только до-

стойные могутъ видѣть его на зарѣ въ свѣтломъ озерѣ. Глаза Вѣрочки блестятъ отъ жуткаго волненія—она точно прислушивается къ шороху милыхъ тѣней.

III.

Мать Вѣрочки давно уже спитъ безпробуднымъ сномъ на тихомъ кладбищѣ, въ тѣни старыхъ кладбищенскихъ липъ.

Когда отецъ уходитъ на службу, Вѣрочка остается въ квартирѣ со старухой прислугой, въ комнаткахъ-клѣтушкахъ съ покатымъ потолокомъ и полукруглыми окнами, которыми глядятъ въ темень двора. Становится жутко, и какой-то невѣдомый страхъ скывываетъ душу.

Вѣрочка любитъ танцы. Въ нихъ можно забыть отъ всякихъ тревогъ, отъ жуткихъ мыслей.

Маленькій, бѣленькій залъ мѣстнаго училища всегда кажется ей такимъ уютнымъ, ласковымъ. Гудятъ струны старенькаго пѣнино, на которомъ мѣстный таперъ выстукиваетъ модные танцы.

Вечера устраиваются рѣдко. Это цѣлое событие для молодежи.

Этой весной мѣстныя барышни особенно готовились къ давножданному костюмированному вечеру. Вѣрочка выбрала костюмъ русалочки. Она была прелестна, это тонкое стройное созданіе съ опечаткомъ милой недовольности на юномъ лицѣ. Всѣ были нѣжны и внимательны къ Вѣрочкѣ, которая, опьяненная успѣхомъ, неслась въ вихрь танцевъ.

Вѣрочкѣ за оригинальный костюмъ присудили первый призъ. Но ее не радовалъ этотъ призъ—зингеровская швейная машина. Больше радовалъ первый успѣхъ. «Это даетъ свѣтъ и краску жизни»,—тихо прошептала взволнованная Вѣрочка, когда она вмѣстѣ съ отцомъ раннимъ утромъ шла домой.

Они проходили мимо затихшей желѣзнодорожной станціи, отъ которой убѣгали въ даль блестящія рельсы, туда гдѣ тянулись роши, погруженные въ мягкій полумракъ весенняго утра. Вѣрочка глубоко вдыхала въ себя свѣжій воздухъ.

— Папочка, я довольна сегодняшнимъ успѣхомъ,—радостно сказала Вѣрочка отцу—... по зачѣмъ только... швейная машина. Какой это призъ... лучше бы колечко, браслетъ,—добавила она полуканпризно.

IV.

На другой день отецъ Вѣрочки выглядылъ какъ-то болѣзненно, былъ вялъ, апатиченъ.

Со службы онъ пришелъ совершенно измученный.

Онъ безцѣльно словился по комнатамъ, какъ бы не находя себѣ мѣста, удрученно вздыхалъ. Потомъ слегъ и уже не всталъ больше. Онъ прохворалъ всего нѣсколько дней. Вѣрочка очнулась отъ этого ужаснаго кошмара только тогда, когда похоронили отца. Ее не оставило чувство безумнаго, невыразимаго ужаса.

— Что дѣлать?—выстукивала въ мозгу грозная мысль.

Отецъ не оставилъ никакихъ сбереженій. Вѣрочка осталась одна.

Когда-то она мечтала о Москвѣ, о кур-

сахъ. Теперь рухнуло все. Словно настала черная пугающая ночь.

Случайно взглядъ Вѣрочки упалъ на машинку, этотъ «скучный» призъ костюмированного вечера. Валялась какая-то брошюра. Вѣрочка прочла. Фирма сообщала, что всякая покупательница машины приобретаетъ право на бесплатное обученіе художественному вышиванію. У Вѣрочки сверкнула счастливая мысль.

Въ тотъ же день Вѣрочка робкая и застенчивая подходила къ магазину Компаніи Зингеръ. Долго не могла рѣшиться зайти, но наконецъ рѣшилась.

V.

Утромъ Вѣрочка проснулась поздно. Открывъ глаза, она узнала знакомыя стѣны и ей захотѣлось что-то припомнить, что-то сообразить.

Медленно шли жуткія, страшныя мысли.

Словно все вокругъ потемнѣло. «Папочки нѣтъ... Господи! я одна, одна», въ жгучей тоскѣ прошептала она и заплакала какъ робкій ребенокъ.

Подходила старушка прислуга. Долго охала и причитывала.

Вѣрочка лежала неподвижно. Ни о чемъ не хотѣлось думать. А мысли шли упорно, черныя, пугающія мысли.

«Жизнь кончена—вотъ и все», тихо подумала Вѣрочка.

VI.

Вѣрочка стала аккуратно посѣщать уроки художественнаго вышиванія... Она стала одной изъ лучшихъ ученицъ. Изъ-подъ ея руки выходили настоящіе художественные шедевры: прелестныя ажурныя вышивки, накладки, сквозня. Учительница была поражена способностями Вѣрочки.

Черезъ полгода Вѣрочка окончила курсъ художественнаго вышиванія при магазинѣ Зингеръ. Кончила отлично.

VII.

О работахъ юной художницы заговорилъ весь городъ. Въ магазинѣ Зингера являлись все новыя и новыя уеницы; диву дивятся, глядя на рѣдкой красоты вышивки, исполненныя на обыкновенной швейной машинѣ.

Вѣрочка магазиномъ Зингера приглашена завѣдывать преподаваніемъ вышиванія. Она приняла это предложеніе. Она подлюбила поэзію швейной машины, всѣ эти великолѣпно вытканныя копии въ краскахъ съ картинъ лучшихъ мастеровъ, портреты, ландшафты.

VIII.

Вѣрочка въ маленькомъ городѣ стала въ своемъ родѣ знаменитостью. Ее хвалятъ и не нахвалится. Бодрымъ шагкомъ она каждое утро бѣжитъ въ магазинъ. У нея на душѣ такъ молодо, такъ хорошо. Радостно Вѣрочка приступаетъ къ работѣ, которая ей дается, какъ никому. Она ни въ чемъ не нуждается, и любимый трудъ даетъ ей глубокое, полное удовлетвореніе.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

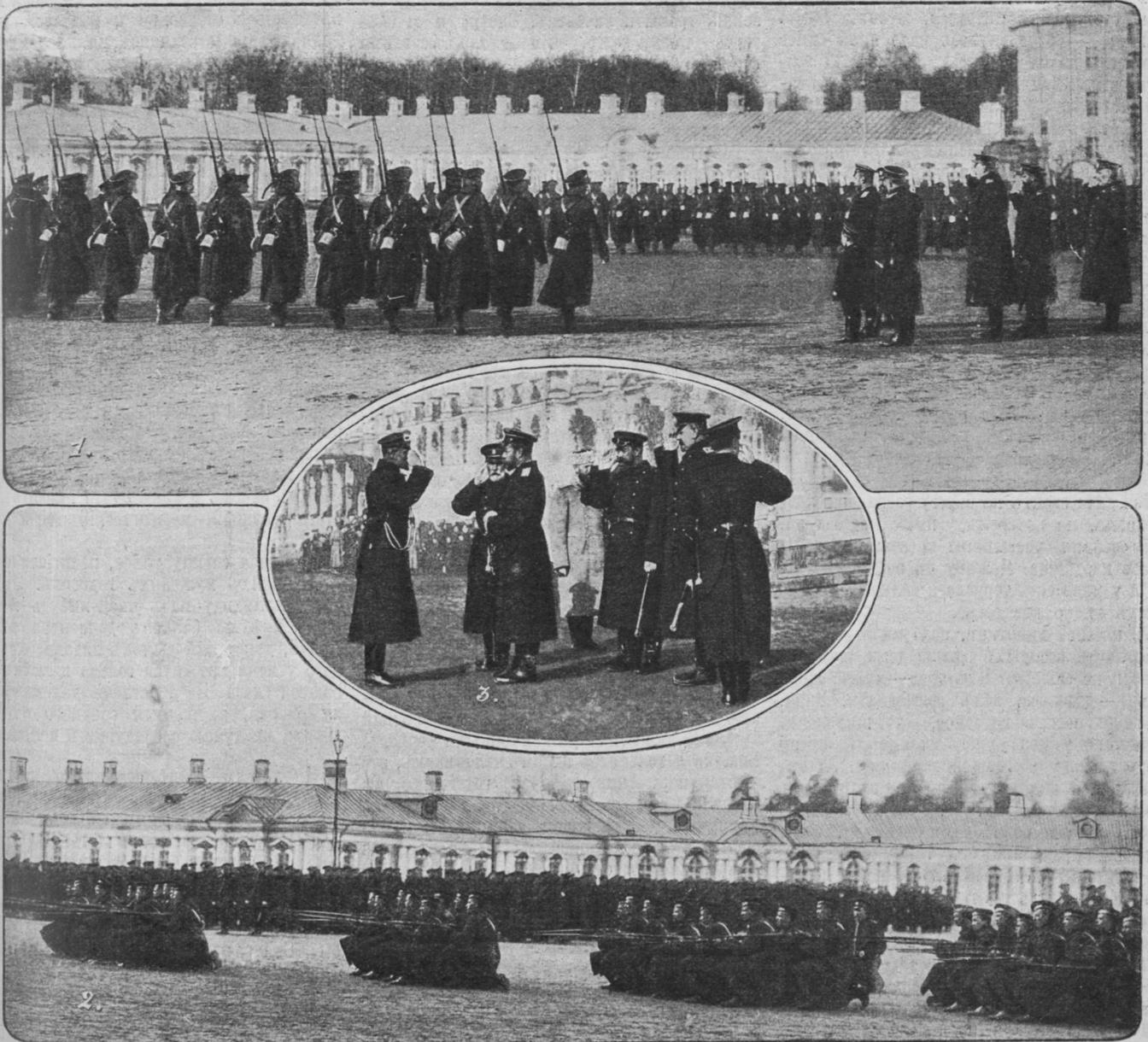
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи:
 На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
 На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяцъ . . . 25 коп.

Объявленія на страницахъ обложки: на 2-й—1 р. 50 к.
 на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ дополнительныхъ 60 к.
 за строку непарейля.

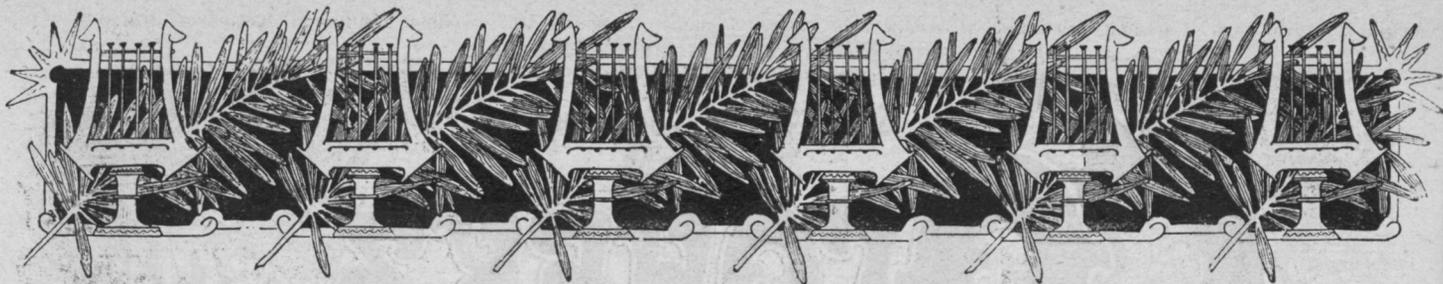
Главная Контора и Редація: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
 Стѣленіе: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“
 Невскій пр., 50 (уголь Садовой).

Высочайшій смотръ школъ строевыхъ квартирмейстеровъ и молодымъ матросамъ кронштадтскаго портоваго и 1-го флотскаго экипажей въ Царскомъ Селѣ 14-го апрѣля с. г.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ» В. К. Булла.

1) Прохождение церемональнымъ маршемъ. 2) Ротное учение въ Высочайшемъ присутствіи. 3) Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ принимать рапортъ отъ командующаго смотромъ капитана 2-го ранга Панферова.

ИЗЪ ВЕСЕННЯГО ДНЕВНИКА.

Разсказъ Вл. Ленскаго.

На дачѣ я вотъ уже второй день. Хожу, смотрю, слушаю, и не вѣрю своимъ глазамъ, своему слуху: столько зелени, солнца, неба, воздуха, шума листьевъ, пѣнья птицъ!.. Третьяго дня я вырвался изъ когтей дьявола-города, обжалъ отъ него съ разстроенными нервами, измученнымъ мозгомъ, усталымъ тѣломъ. Казалось, я погибалъ тамъ безвозвратно, и ничто въ жизни не вызывало во мнѣ интереса, желанія жить. Но вотъ, — развернулось надо мной синее небо, заструился вокругъ меня свѣжій воздухъ, зашумѣли деревья, — и я, какъ первый человѣкъ, только-что оставшій на землѣ отъ небытія, поднимаю голову и съ любопытствомъ, удивленіемъ и восторгомъ, озираюсь и говорю въ сердцѣ своемъ: жить хорошо, ахъ, жить такъ сладко!..

Я чувствую, какъ мой мозгъ наливается солнцемъ, въ моемъ тѣлѣ прибываютъ силы, затихаетъ дрожь нервовъ. Городъ, оставшійся позади меня, кажется кошмарнымъ созданіемъ моего разстроеннаго воображенія. Будь прокляты ты, каменный дьяволъ, со всемъ ужасомъ своихъ банковъ, ресторановъ, заводовъ, трамваевъ, автомобилей, богатства, нищеты и разврата!.. Будьте благословенны вы, тихія рощи, озера, холмы, съ вашимъ небомъ и солнцемъ, съ вашей свѣжестью первобытной радости жизни!..

Моя дача стоитъ на берегу озера, на склонѣ холма, на которомъ, ниже моего сада, подъ соснами, разсыпаны кресты и могилы тихаго кладбища. Я живу въ верхнемъ этажѣ, и у меня есть терраса и балконъ, съ которыхъ видно все озеро.

Въ нижней квартирѣ, подо мной, живутъ тихіе люди, которыхъ цѣлый день почти не видно и не слышно. Ихъ трое—мужъ, жена и дочь—дѣвушка лѣтъ семнадцати, Зина. Она еще носитъ короткое, до щиколокъ, платье, но у нея уже сильно развитой бюстъ и лицо настоящей женщины. За эти пять дней я видѣлъ ихъ только одинъ разъ вечеромъ, когда они возвращались съ прогулки. Они шли молча, такъ тихо и спокойно, словно были проникнуты тишиной кладбища, гдѣ они гуляли. Встрѣтивъ меня, посторонились и, потупивъ глаза, пропустили мимо себя. Только дѣвушка подняла глаза и проводила меня долгимъ, серьезнымъ взглядомъ.

— Это нашъ сосѣдъ,—услышавъ я позади себя ея шепотъ...

И мнѣ стало пріятно, что она отмѣтила это. Да, я вашъ сосѣдъ, милые, тихіе люди...

Я рѣшительно ничего не дѣлаю. Меня къ столу, къ работѣ не тянетъ. Хочется жить, а не писать о жизни. Я сижу на балконѣ и смотрю на узкія верхушки молодыхъ сосенъ

и елей. Онѣ такъ важно и плавно покачиваются въ солнечно-синей высотѣ неба. А двѣ березки поднялись еще выше и трепетно дрожатъ и сверкаютъ на солнцѣ мелкими круглыми листочками, дѣлающими висяція внизъ тонкія вѣточки похожими на зеленныя ленты.

Съ деревьевъ я перевожу глаза на снѣжно-бѣлую скатерть, покрывающую стволъ. Но ея ослѣпительной, озаренной солнцемъ бѣлизнѣ проносятся едва уловимыя глазомъ струящіяся тѣни, какъ-будто отъ легкаго, прозрачнаго дыма. Это струится воздухъ, полный влажныхъ, солнечныхъ испареній земли, травы и листьевъ. Смотрю я на скатерть такъ долго, что она, съ этими струящимися тѣнями, начинаетъ казаться мнѣ зыбкой поверхностью искрящейся на солнцѣ воды, у меня мелькаетъ и рябитъ въ глазахъ...

Разстилающееся передо мной озеро—большое и свѣтлое, какъ опрокинутое въ зеркалѣ небо. Далекій берегъ поднимается зелеными холмами, темнѣющими кое-гдѣ сосновыми и словами лѣсками. Ближніе берега зеленѣютъ садами, изъ которыхъ поднимаются красныя башенки и островерхія крыши дачъ. Выше всѣхъ красуется башня яхтъ-клуба съ развѣвающимся на шпилѣ пестрымъ флагомъ. Оттуда часто отплываютъ стройныя, красныя и синія яхты, съ громаднымъ бѣлымъ парусомъ, кренящіяся въ водѣ даже при легкомъ вѣтеркѣ. Или вылетаютъ длинныя, узкія гоночныя лодки, гички, каждая съ четырьмя гребцами въ полосатыхъ споршенскихъ костюмахъ, съ обнаженными мускулистыми руками и ногами. Онѣ быстро скользятъ по водѣ, сразу поднимая и спуская всѣ четыре пары весель, и походить издали на странныхъ, чудовищныхъ сороконожекъ. По праздникамъ въ яхтъ-клубѣ играетъ духовой оркестръ, и тогда надъ озеромъ стелются мягкіе переливы корнетъ-аппистоновъ, флейтъ и валторнь...

Къ людямъ меня не тянетъ.. Никогда не ощущалъ я такой радости одиночества, какую испытываю теперь. Оно—цѣлительный бальзамъ для моихъ развинченныхъ нервовъ. Вижу я только съ однимъ человекомъ, это—старушка Анна, которая готовитъ мнѣ обѣдъ и убираетъ мои комнаты. Она живетъ въ кухнѣ, долгая жизнь утомила ее, и она очень несловоохотлива. Часто ея въ домѣ совершенно не слышно, и мнѣ приходится въ голову, не умерла-ли она тамъ, въ своемъ углу, какъ умираютъ отъ глубокой старости—тихо и неожиданно?..

Погода стоитъ ровная, ясная. Май на исходѣ, но солнце еще слабо грѣетъ. Въ комнатахъ сумеречно отъ заслонившихъ окна деревьевъ и почти холодно. Мое мадокровіе даетъ себя знать. Я зябну и долженъ куртаться въ суконный плащъ...

Ночи становятся все свѣтлѣй и прозрачнѣй. Ночныя зари горятъ надъ озеромъ, какъ золотая парча, затканная рубиновымъ бисеромъ. И часто, просыпаясь ночью, я съ

удивленіемъ смотрю на эту Божью красоту сѣверной ночи, золотящуюся до утра между столами сосенъ, и сквозь черныя, словно окутанныя темнымъ газомъ, хвои дремлющихъ елей. И всю ночь, даже во снѣ, я слышу, какъ поестъ у балкона на вѣткѣ какая-то птица, которая не хочетъ, или не можетъ въ эти чудесныя бѣлыя ночи сомкнуть своихъ глазъ...

Въ первые два-три дня моего пребыванія здѣсь меня беспокоили и раздражали непрерывные, хрипло-гортанные крики воронъ, въ безчисленномъ множествѣ населяющихъ сосны и ели кладбища. Грубая, грязныя птицы, питающіяся отбросами и падалью, устраивали гнѣзда и селились на кладбищѣ, вѣроятно, притягиваемыя запахомъ гниющихъ въ землѣ труповъ. И когда сюда несутъ покойника—онѣ поднимаются съ деревьевъ и кружатся низко надъ похоронной процессіей, издавая противные, радостно-жадные крики. Скоро я къ нимъ прислушался, привыкъ, и теперь ихъ уже не слышу. Только изрѣдка, когда въ яхтъ-клубѣ, во время гонокъ, раздастся условный ружейный выстрѣлъ, и вороны съ дикимъ крикомъ поднимаются и взволнованно кружатъ надъ кладбищемъ, и замѣчаютъ, что онѣ здѣсь, и отъ ихъ крика у меня начинаютъ дрожать нервы во всемъ тѣлѣ...

Въ кладбищенской церкви по вечерамъ звонятъ, и такъ ярко гармонируетъ звонъ колоколовъ съ огненнымъ золотомъ вечерней зари. Кажется, что заря разгорается отъ гудящихъ волнъ мѣднаго звона, а звуковыя волны звучатъ ярче и чище, наливаясь заревымъ огнемъ и какъ будто приобретаая отъ этого нѣжный, мелодическій тонъ чистаго золота...

Иногда я слышу тихое, религиозное пѣніе нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ. Это служатъ панихиду надъ чьей-нибудь могилой, и ко мнѣ на балконъ доносится вѣтромъ легкой, душистый дымокъ ладана, отъ котораго у меня кружится голова и тихо закрываются глаза. Но я остаюсь далекимъ страху смерти, и, полный сладкаго ощущенія жизни, не думаю о грядущемъ концѣ...

Я угадалъ—Зинѣ семнадцать лѣтъ, она сама сказала мнѣ это. Я познакомился съ ней и съ ея родителями и былъ у нихъ въ домѣ. Случилось это вотъ какъ. Вчера утромъ ко мнѣ вѣждала Зина, со смертельно блѣднымъ лицомъ, съ упавшими и рассыпавшимися по спинѣ волосами (у нея длинныя, съ золотистымъ отливомъ, волнистыя волосы). Она задыхалась и едва могла проговорить:

— Ради Бога... пойдите къ намъ... помогите!..

Я едва успѣвалъ за ней, такъ быстро шла она впереди меня.

Ея мать лежала на диванѣ въ глубокомъ обморокѣ, отца не было дома, и Зина, испробовавъ всѣ, извѣстныя ей средства, не могла привести ее въ чувство и потому обратилась ко мнѣ.

Узнавъ въ чемъ дѣло, я немного смутился. Знакомъ я съ медициной, можетъ быть, еще меньше, чѣмъ эта дѣвушка, и тѣ скудныя познанія, какими я обладаю, въ такихъ случаяхъ всегда вылетаютъ изъ моей головы. Но я не показалъ виду, что мнѣ это дѣло незнакомо. Я сталъ командовать.

— Воды! Вина! Одеколону!—и усердно брызгалъ, растиралъ, мочилъ голову и виски неподвижно лежавшей, почти безъдыханія, женщины, невзирая на то, что отъ нея уже пахло и виномъ, и одеколономъ, къ которымъ, вѣроятно, уже прибѣгала Зина прежде, чѣмъ позвать меня. Дѣвушка почему-то вѣрила въ мое искусство, торопливо подавала все, что я требовалъ, и смотрѣла на меня глазами, полными ожиданія и надежды.

Какъ это ни странно, но я оправдалъ ее вѣру въ меня. Послѣ десяти минутъ работы, вогнавшей меня въ потъ, бѣдная женщина очнулась и раскрыла глаза. Зина бросилась къ ней, припала головой къ ее груди и разрыдалась. Но тотчасъ же вскочила и схватила мою руку обѣими руками.

— Благодарю васъ, — сказала она, сияя мокрыми, счастливыми глазами:—Вы были такъ добры!..

Въ эту минуту она была положительно прекрасна. Въ блѣдномъ, чуть порозовѣвшемъ лицѣ еще мѣшались испугъ и радость, слезы и улыбка; губы еще кривились и прыгали, а темно-синіе глаза сияли, какъ двѣ звѣзды, въ длинныхъ лучахъ мокрыхъ рѣсницъ. Она была въ свѣтломъ, утреннемъ платьѣ, блѣдно-розоваго цвѣта, съ открытой шеей и руками матово-молочной бѣлизны. Отъ нея вѣяло чистотой и свѣжестью перваго снѣга.

Я ушелъ отъ нея смущенный, съ легкимъ, болѣзненно-сладкимъ дрожаньемъ въ груди...

Въ яхтѣ-клубѣ танцевальный вечеръ. Зина просила меня быть тамъ. Она будетъ въ длинномъ, бѣломъ платьѣ—первое длинное платье, которое, наконецъ, родители разрѣшили ей надѣть.

Залъ яхтѣ-клуба—большой и свѣтлый. Стѣны украшены флагами, вымпелами, маленькими изящными моделями яхт, лодокъ, яликовъ и гичекъ; вмѣсто багетовъ для занавѣсей — весла, вмѣсто занавѣсей на окнахъ и дверяхъ—бѣлые, косые паруса. Полъ дубовый, некрашенный, гладко выструганный, покатый въ обѣ стороны. Залъ производитъ впечатлѣніе палубы большого корабля. Освѣщенъ электричествомъ.

Члены яхтѣ-клуба держатъ себя хозяевами. Это, большей частью, богатые молодые люди, красивые, здоровые, съ загорѣлыми лицами и руками. Гости-дачники, нарядныя дѣвушки и дамы и мужчины въ черныхъ костюмахъ. Быстро знакомятся, оживленно болтаютъ. Гремятъ духовой оркестръ. Начинаются танцы.

Я пришелъ одинъ и сѣлъ у стѣны. Ко мнѣ подходитъ Зина съ молодымъ человекомъ, похожимъ на Доріана Грея. Его зовутъ, какъ я потомъ узналъ, Володя Турцевичъ. Онъ—членъ яхтѣ-клуба и общается въ этотъ же вечеръ покатать насъ на яхтѣ.

Зина тотчасъ же оставляетъ его руку и садится со мной рядомъ. Володя Турцевичъ краснѣетъ и окидываетъ меня свирѣпымъ взглядомъ. Однако, ничего не говорить и отходить. Потомъ возвращается и напоминаетъ Зинѣ:

— Мазурка—моя!

— Нѣтъ, — говоритъ она пренебрежительно.

— Но вы обѣщали?

Она молча пожимаетъ плечомъ.

— Съ кѣмъ же вы будете танцевать мазурку?—спрашиваетъ онъ съ дрожью раз-

драженія въ голосѣ и снова бросаетъ въ мою сторону свирѣпый взглядъ.

—Я больше не буду танцевать...

Володя обезкураженъ. У него отъ обиды глаза наливаются слезами. Онъ вздыхаетъ и, круто повернувшись, уходитъ.

— Отчего вы не хотите больше танцевать? Не считаете-ли вы себя обязанной занимать меня, потому что я пришелъ сюда по вашей просьбѣ?

Зина краснѣетъ и потупляетъ глаза.

— Нисколько! Я не очень люблю танцевать...

Зина знаетъ, что я писатель и, повидимому, очень интересуется моею особой. Я замѣтилъ это по ее глазамъ, смотрящимъ на меня съ напряженіемъ крайняго любопытства, и по ее усиленному вниманію, съ которымъ она слушаетъ меня. Она заговариваетъ о литературѣ и при этомъ непременно краснѣетъ и мило смущается. Ее родители относятся ко мнѣ также съ большимъ уваженіемъ. Это люди, заключившіе всю свою жизнь въ небольшомъ кругу супружескихъ и родительскихъ отношений. И на литературу, а въ частности на меня, смотрятъ, какъ на пособіе для воспитанія ихъ дочери. Они сидятъ рядомъ съ нами, прислушиваются къ нашему разговору и благосклонно улыбаются...

Зина какъ-то нервно настроена, часто и отрывисто смѣется, быстро оглядывается по сторонамъ и почему-то избѣгаетъ встрѣчаться со мной глазами. Ее нервность волнуетъ, возбуждаетъ меня. Я тоже часто смѣюсь и, должно быть, говорю смѣшныя вещи, потому что она кажется чрезвычайно веселой...

Вотъ раздаются звуки мазурки, она живо схватываетъ мою руку и умоляющимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Вы совсѣмъ, совсѣмъ не танцуете?

— Когда-то танцевалъ; вѣроятно, уже успѣлъ позабыть...

— Ахъ пѣтъ, навѣрно не забыли... Пойдемте, одинъ туръ...

Я пробую отдѣлаться шуткой:

— А какъ же Володя Турцевичъ?

— Богъ съ нимъ,—говоритъ она, поднимаясь, и загадочно улыбается.

Я тоже встаю.

Она въ бѣломъ, слегка декольтированномъ платьѣ, съ обнаженными до плечъ руками. Бѣлизна окутывающаго ее газа окружаетъ ее какъ-будто облакомъ, прохладнымъ, чистымъ и сияющимъ. Я беру ее руку и тихо говорю ей:

— Вы такая чистая и бѣлая... Я называлъ-бы васъ утреннимъ инеемъ...

Она благодарно и смущенно смѣется.

— Вамъ, навѣрно, холодно со мной?

— Бррр, какъ холодно!..

Мы срываемся съ мѣста и несемся. При поворотѣ въ концѣ зала я вижу Володю Турцевича, стоящаго въ углу со скрещенными на груди руками. Онъ блѣденъ, кусаетъ себѣ губы и смотритъ на насъ хмуро, сердито.

Зина порхаетъ, какъ бабочка, и когда я обнимаю ее за талию, мнѣ кажется, что она сейчасъ разлѣтается, какъ облако, и у меня въ рукахъ ничего не останется. Лицо ее горитъ, глаза сияютъ...

Въ антрактѣ, послѣ мазурки, къ намъ подходитъ Турцевичъ. Онъ имѣетъ рѣшительный видъ и продолжаетъ держать руки скрещенными на груди.

— Вы со мной танцуете вальсъ, говоритъ онъ почти утвердительно, глядя въ упоръ на Зину.

Зина вспыхиваетъ и сердито отворачиваетъ отъ него лицо.

— Нѣтъ, я уже обѣщала, — говоритъ она, хмуря брови.

— Кому?

Меня начинаетъ раздражать назойливость этого молодого человѣка.

— Я думаю, — говорю я, ободренный взглядомъ Зины: — что m-lle Каменева имѣетъ право не отдавать вамъ отчета въ своихъ поступкахъ...

Турцевичъ окидываетъ меня уничтожающимъ взглядомъ и цѣдитъ сквозь зубы:

— Постороннимъ входъ воспрещается...

Это, вѣроятно, должно означать, что я не долженъ вмѣшиваться въ его разговоръ съ Зиной. Я чрезвычайно вѣжливо улыбаюсь и спокойно возражаю:

— Мнѣ кажется, что въ данную минуту этимъ постороннимъ являетесь вы...

Зина обращается ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ, продолжая прерванный разговоръ. Онъ смотритъ на насъ, презрительно сжавъ губы—глаза его великодушно сверкаютъ отъ злости — и уходитъ, угрожающе стуча высокими каблукками своихъ модныхъ, лакированныхъ ботинокъ...

Мы танцевали еще вальсъ. Долго, упорительно кружились, какъ-будто качались въ звуковыхъ волнахъ, напоенныхъ бѣлымъ сияніемъ электричества. Отъ неприявки у меня кружилась голова. А можетъ быть, оттого, что поблѣднѣвшее лицо Зины почти касалось моего лица, а ее грудь взволнованно дышала близко-близко около моей груди. Мы какъ-будто слились въ этомъ волнообразномъ качаньи, какъ-будто горѣли однимъ трепещущимъ отъ быстрого движенія пламенемъ...

Потомъ мы отдыхали, сидя въ уединенномъ углу, заставленномъ пальмами и декорированномъ парусами и флагами. Было поздно, и за деревянными стѣнами клуба глухо шумѣли отъ холода сосны и березы. Мы подошли къ окну и подыали занавѣсь. Надъ озеромъ ярко горѣла утренняя зари, хотя еще былъ только часъ ночи. Небо и озеро были налиты краснымъ золотомъ, а сосны и ели, возвышавшіяся по берегамъ, были подернуты синей ночной дымкой и сумрачно спали...

Къ намъ снова приближается Володя Турцевичъ. На этотъ разъ онъ имѣетъ робкій, жалкій видъ; лицо его блѣдно, голубые глаза смотрятъ грустно и виновато. Онъ обращается къ Зинѣ съ просьбой простить его. Это также относится и ко мнѣ, потому что обращаясь къ ней, онъ смотритъ просице и на меня. Зина тронута его жалкимъ видомъ и съ своей стороны извиняется, что не танцевала съ нимъ обѣщанную мазурку. У нея болѣла голова, и она думала, что не будетъ больше танцевать. Кончается это тѣмъ, что мы рѣшаемъ покататься на яхтѣ Турцевича.

Мы выходимъ на крыльцо и спускаемся къ озеру. Пока Володя возится въ своей яхтѣ, распутывая веревки и поднимая парусъ, мы съ Зиной стоимъ на берегу, прижавшись другъ къ другу плечомъ. Съ воды вѣетъ рѣзкимъ холодкомъ, Зина вздрагиваетъ, и ее дрожь передается мнѣ. Я беру ее маленькую, теплую руку и тихо жму. Она отвѣчаетъ мнѣ слабымъ, чуть ощутимымъ пожатіемъ...

— Готово! — раздается сердитый возгласъ Володи.

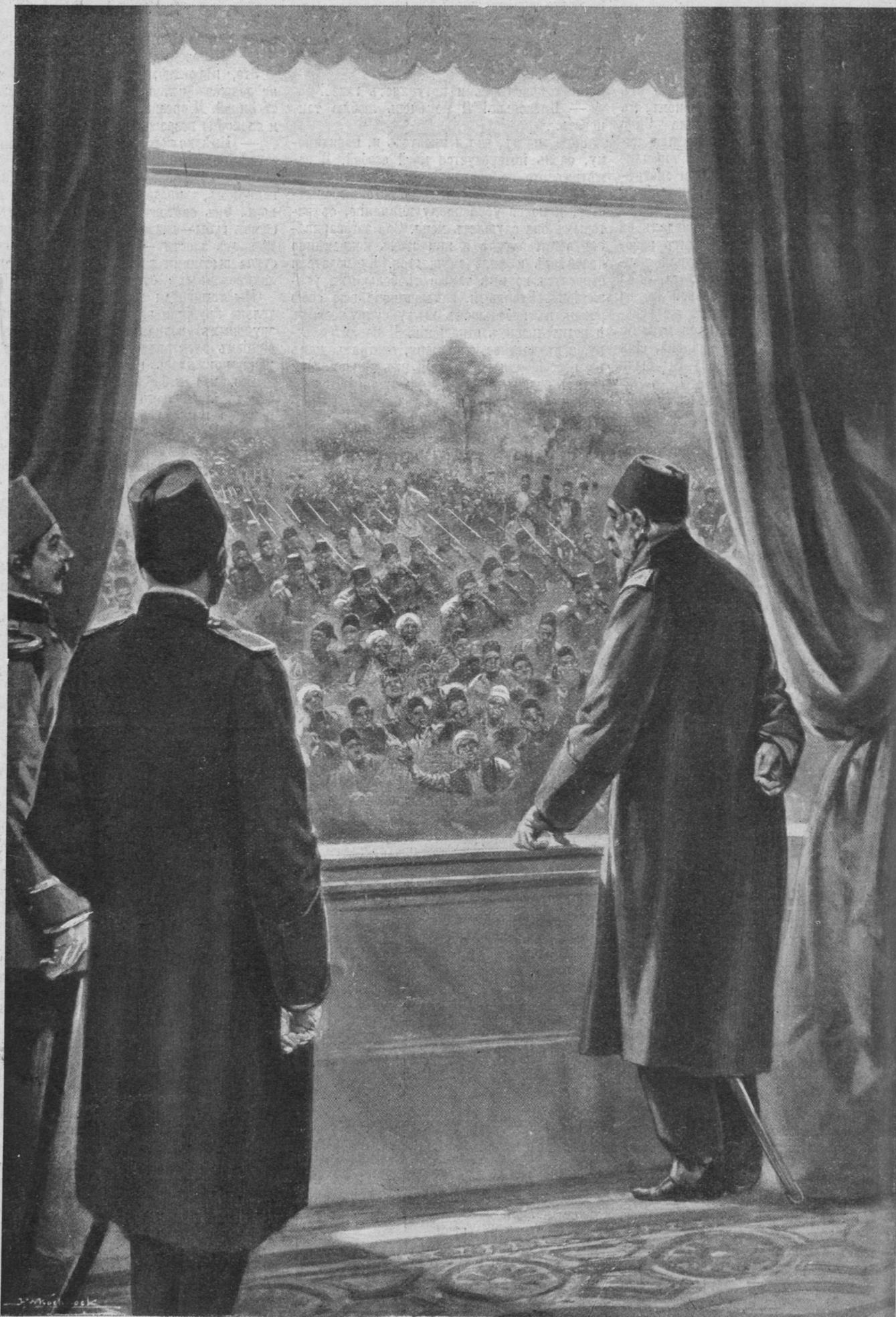
Мы вздрагиваемъ и сходимъ въ яхту, которая подъ нашими ногами вѣется и качается, какъ живая. Володя опять почему-то дѣлаетъ свирѣпое лицо и съ ненавистью смотритъ на меня и на Зину.

Громадный, распутившійся парусъ затрепеталъ и забился надъ нашими головами. Но вотъ, наполненный вѣтромъ, онъ натянулся, затихъ и, накренивъ яхту, цѣвато и легко выноситъ насъ изъ тѣни въ золотое озеро.

Я закуталъ Зину въ свой плащъ, она жмется ко мнѣ плечомъ и молчитъ, глядя большими глазами въ зарево полночной за-

Бывшій турецкій султанъ Абдуль-Гамидъ наканунѣ низложенія.

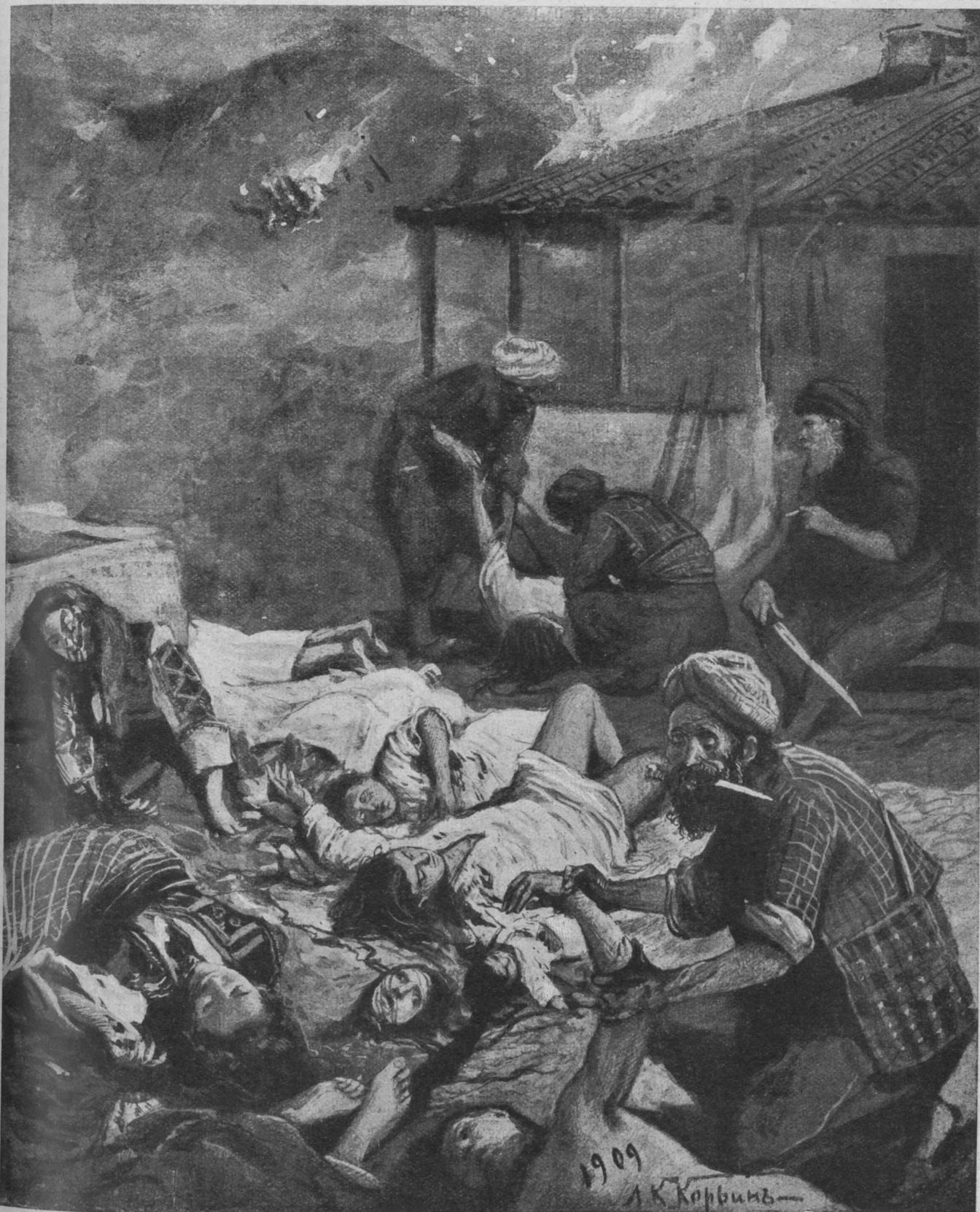
Съ рисунка Г. В. Коккека.

Абдуль-Гамидъ во время попытки реакціоннаго переворота производитъ изъ окна смотрѣть вѣрнымъ ему войскамъ.

Армянскіе погромы въ Малой Азіи.

Оригинальный рисунок для журнала „Огонекъ“ художника Л. К. Корвина.

Несмотря на восстановление порядка въ Константинополь, ознаменовавшееся сложениемъ съ себя полномочій національнымъ собраніемъ и открытіемъ нормальной сессіи палаты депутатовъ, избиенія христіанъ въ Малой Азіи, подготовленныя организаторами реакціоннаго переворота при Абдуль-Гамидѣ, все еще продолжаютъся. По достовѣрнымъ телеграфнымъ извѣстіямъ, въ окрестностяхъ Аданы и въ Хаджинѣ армянь избиваютъ курды; они же близъ Діарбекира не щадятъ не только армянь, но и турокъ. Киликія

оввачена пламенемъ, въ Бруссѣ забуйтовались войска, распаленныя фанатизмомъ упорныхъ «ходжей». Младотурецкому правительству пришлось направить въ Бруссу, Мерсину и Александретту четыре полка изъ Салоникъ. Какъ обыкновенно бываетъ при погромахъ, аданскій вали и другія провинціальныя власти обвиняютъ избиваемыхъ армянь въ нападеніяхъ на мусульманъ и разныхъ преступленіяхъ. Турецкій парламентъ для изслѣдованія причинъ армянской бойни назначилъ слѣдственную комиссію.

Рисунокъ нашего художника, лично въ теченіе 3 лѣтъ наблюдавшаго жизнь въ Малой Азіи, представляетъ одну изъ кровавыхъ сценъ погрома.

На первомъ планѣ—опьянѣвшій отъ крови курды завершаетъ только что совершенное злодѣяніе ограбленіемъ несчастной жертвы. Душа содрогается отъ ужаса при видѣ кровавыхъ послѣдствій проповѣди религіознаго фанатизма и племенного челоукопенавистничества.

ри. Нѣсколько прядей волосъ выбились изъ ея прически и развѣваются на вѣтрѣ, золотая въ свѣтѣ зари и окружая ея голову сияющимъ ореоломъ. Я чувствую теплоту ея плеча и весь замираю отъ сладкой близости ея невиннаго тѣла. Она кажется мнѣ безконечно близкой и дорогой...

Турцевичъ сидитъ противъ насъ, одной рукой править рулемъ, другой—парусомъ. Его лицо въ тѣни, падающей отъ паруса, и я не могу рассмотреть его выраженія. Только вижу, что онъ упорно смотритъ на насъ, и мнѣ кажется, что онъ усмѣхается какой-то своей тайной мысли.

Яхта несется быстро и легко, сильно накренившись и почти погрузивъ край въ воду. Вѣтеръ свиститъ въ канатахъ, за кормой тихо шипитъ и журчитъ вода. Мы перерѣзаемъ все озеро—отъ яхтъ-клуба до парка, стоящаго на противоположномъ берегу. За нѣсколько сажени до берега Турцевичъ вдругъ кричитъ:

— Наклоните голову!

Мы повинемся, и надъ нашими головами перекидывается парусъ на другую сторону. Яхта круто поворачиваетъ и вдругъ, вздрогнувъ, накренивается такъ сильно, что парусъ почти ложится на воду. Я и Зина едва удерживаемся за борты, чтобы не выпастъ въ воду.

— Что вы дѣлаете!—кричу я, внѣ себя отъ гнѣва:— Вы перевернете яхту!..

Турцевичъ громко смѣется.

— А вы ужъ испугались?—спокойно говоритъ онъ, съ отбѣнкомъ какого-то злорадства глядя на насъ и подтягивая парусъ:— Не очень же вы храбры!..

Парусъ поднятъ, и яхта снова плавно несется по золотому озеру. Я раздраженно отвѣчаю:

— Дѣло не въ моей храбрости или трусости. Я васъ прошу не испытывать меня въ этомъ отношеніи и помнить, что съ нами—дама!..

Зина молчитъ и сильнѣе прижимается ко мнѣ плечомъ. Я чувствую сквозь плащъ, какъ она вся дрожитъ, Лицо ея блѣдно, и губы посинѣли...

Теперь Турцевичъ весь освѣщенъ зарей, и въ его лицѣ уже нѣтъ и слѣда злобы и вражды къ намъ. Онъ сгорбился, какъ-то весь поникъ и смотритъ на Зину съ невыразимой тоской и печалью...

Прощаясь съ нами, онъ снова униженно и виновато проситъ извиненія...

Сажу на балконъ и отъ нечего дѣлать слѣжу за воробьями, перепархивающими съ вѣтки на вѣтку. Вотъ они отчего-то всполошились и со всѣхъ концовъ сада, съ громкимъ, тревожнымъ крикомъ, устремились къ одному дереву. И тамъ, не переставая кричать, мечутся за какимъ-то огненно-рыжимъ комкомъ, летающимъ по дереву сверху внизъ и снизу вверхъ. Я долго не могу понять, въ чемъ дѣло, наконецъ, вижу, что это бѣлка. Настоящая рыжая бѣлка, обитательница глухихъ сѣверныхъ лѣсовъ, чудомъ залетѣвшая въ дачныя мѣста. Именно, залетѣвшая, потому что она не прыгаетъ, а буквально перелетаетъ съ дерева на дерево, легко и быстро, распутивъ по воздуху свой красный пушистый хвостъ. Въ одно мгновеніе, сопровождаемая стаей неистово кричащихъ воробьевъ, она облетаетъ весь садъ, и я слышу по отчаянному крику этихъ всполошившихся за свое мѣщанское счастье птицъ, что она уже на соседней дачѣ продолжаетъ свой воздушный бѣгъ.

Ну вотъ,—бѣлка пахнула на меня дикой, привольной жизнью дѣвственныхъ лѣсовъ, и послѣ нея мои глаза со скукой блуждаютъ по этому небольшому, огороженному заборомъ саду, съ искусственными дорожками и клумбами тепличныхъ цвѣтовъ.

Мнѣ отчего-то обидно и грустно, и я часто съ безотчетнымъ волненіемъ поворачиваю голову и смотрю въ ту сторону, гдѣ исчезла бѣлка...

Потомъ я спускаюсь въ садъ, обхожу всѣ дорожки, осматриваю всѣ деревья—бѣлки нѣтъ. Я стою у калитки, открытой въ садъ Каменевыхъ, и раздумываю: не притаилась-ли бѣлка гдѣ-нибудь тамъ, на соснѣ, или среди широкихъ вѣтвей ели? И я обхожу и этотъ садъ и осматриваю всѣ ели и сосны. Бѣлки нѣтъ.

Я стою у крыльца въ нерѣшительности. Отчего бы мнѣ не зайти и не посмотреть, что тамъ такъ тихо дѣлается Зина? Отца и матери нѣтъ дома, я видѣлъ, какъ они куда-то ушли. Можетъ быть, дѣвушка скучаетъ одна...

Всѣ двери раскрыты настежь. Съ террасы я вхожу въ гостиную, изъ гостиной иду въ столовую. Никого нѣтъ и ничего не слышно. Мнѣ становится неловко и даже немного жутко, какъ-будто я собираюсь что-то украсть. Даже колѣни у меня дрожатъ. Я уже хочу повернуть и тихонько выйти, но въ это время слышу тихій-тихий вздохъ. Откуда-то вылетѣлъ и растаялъ въ сумеречно-зеленомъ, прохладномъ воздухѣ комматъ. Окна заслонены деревьями, и потому въ комнатахъ стоитъ прозрачно-зеленый сумракъ.

Откуда вылетѣлъ этотъ вздохъ? Передо мной двѣ двери: одна справа, одна слѣва. Я иду наугадъ, въ ту, что слѣва. Въ этой комнатѣ еще темнѣй, но я сразу различаю лежащую на диванѣ Зину. Она открываетъ глаза, взглядываетъ на меня и сначала пугается, потомъ краснѣетъ. Она дѣлаетъ движеніе, чтобы подняться, но я сажусь къ ней на край дивана и лишаю ее такимъ образомъ возможности встать. Я чувствую, что не долженъ былъ этого дѣлать, и самъ смущаюсь и краснѣю.

— Простите,—тихо говорю я, потирая ладонями свои колѣни:—я помѣшалъ вамъ спать или мечтать... Но, вы знаете, въ вашъ садъ случилось нѣчто необычайное, и мнѣ хочется вамъ рассказать. Съ дерева на дерево прыгала маленькая бѣлка, какъ огненный комокъ, и за ней съ крикомъ металась по саду встревоженная стая воробьевъ. Я хочу васъ спросить, какимъ образомъ эта бѣлка попала изъ дикой лѣсной глуши въ дачныя мѣста? Сколько верстъ ей пришлось идти лѣсомъ и потомъ дачными мѣстами, пока она попала въ вашъ садъ? Почему она вдругъ предприняла это путешествіе?..

Зина тихо лежитъ и смотритъ на меня темными, серьезными глазами. Бѣлое кружево, обрамляющее на ея груди маленький трехугольный вырѣзъ розовой блузки, мѣрно поднимается и опускается. Она дышитъ часто и взволнованно. И кажется, не слушаетъ меня, а думаетъ о чемъ-то своемъ, что глубоко ее волнуетъ. Ея волненіе сообщается и мнѣ, и я начинаю задыхаться, путаюсь и скоро не могу уже продолжать говорить и смущенно умолкаю. Въ эту минуту ея закинута на голову рука поднимается, медленно описываетъ полукругъ и на мгновеніе замираетъ въ воздухѣ, потому что ей приходится опуститься на мое колѣно, большае некуда. Я беру эту руку и прижимаю къ ней губами. И тогда вдругъ чувствую на своихъ волосахъ другую теплую руку дѣвушки. Въ глубокомъ волненіи я отрываюсь отъ ея руки, приближаюсь лицомъ къ ея лицу и осторожно касаюсь губами ея полураскрытаго рта. Изъ ея позреи вырывается частое, горячее дыханіе. Она взволнованно водитъ руками по моему лицу, шеѣ, волосамъ, и я не могу понять, ласкаетъ она меня, или старается оттолкнуть. Глаза ея широко раскрыты и смотрятъ удивленно-

испуганно... Наконецъ, она рѣзко поворачиваетъ лицо въ сторону и тихо говоритъ:

— Уйдите...

И потомъ, повернувшись къ стѣпѣ, плачетъ, закрывая лицо руками и вздрагивая узкими, полудѣтскими плечами.

Смущенный и растерянный, я встаю и ухожу. Я какъ-то странно потрясенъ случившимся. Во мнѣ вдругъ все застываетъ, и я не испытываю ни радости, ни опьяненія любовью. Я выхожу изъ сада и, безъ шляпы иду по улицѣ, иду долго, ничего не сознавая, увлекаемый единственной, неодолимой потребностью непрерывнаго движенія, какъ-будто хочу уйти, убѣжать отъ самого себя. Кончается улица, я вхожу въ паркъ и продолжаю идти темной аллеей, между двумя стѣнами сѣдыхъ отъ старости елей. И вдругъ, мнѣ приходитъ въ голову мысль, что я оскорбилъ дѣвушку, и оттого она плакала. И меня, какъ молнія, поражаетъ мучительный стыдъ и раскаяніе. Мои ноги начинаютъ подкашиваться, я изнемогаю отъ усталости, падаю лицомъ въ траву, и рыдания потрясаютъ, наконецъ, мою грудь и все тѣло. Опять нервы!.. Я неизлѣчимый неврастеникъ, я несчастный, больной на всю жизнь человекъ!..

Поздно ночью я возвращаюсь домой. Зина ходитъ по саду, и когда я открываю калитку, она медленно встаетъ со скамьи и идетъ мнѣ навстрѣчу. При блѣдномъ свѣтѣ ночной зари ея лицо кажется смертельно блѣднымъ, и глаза необыкновенно ярко блестятъ, какъ стекла дачи, отражающія въ ночныхъ сумеркахъ сада красное пламя зари. Она волнуется, и отъ этого у нея походка неровная, шатающаяся. Мы останавливаемся другъ передъ другомъ, и я невольно опускаю глаза. Меня охватываетъ сильное волненіе, и я нѣсколько мгновеній не могу вымолвить ни слова. Потомъ тихо говорю:

— Простите меня... я сегодня оскорбилъ васъ...

Она поднимаетъ на меня удивленные глаза и беззвучно шевелитъ губами, хочетъ что-то сказать и не можетъ. И тутъ я замѣчаю, что ея глаза блестятъ отъ слезъ.

— Клянусь вамъ, это никогда больше не повторится!—въ глубокомъ волненіи говорю я и беру ея руку.

Она тихо высвобождаетъ свои тонкіе холодные пальцы изъ моихъ и прижимаетъ платокъ къ глазамъ. Мое сердце разрывается отъ жалости и раскаянія, но мнѣ больше нечего сказать. Я молча кланяюсь и иду къ себѣ наверхъ...

Во мнѣ опять, какъ въ городѣ, все дрожитъ отъ нервнаго напряженія. Мрачныя, тяжелыя мысли отягощаютъ мой мозгъ. Я принимаю большую дозу брома, но долго не могу заснуть. Блѣлый свѣтъ ночи раздражаетъ и сильно нервнруетъ меня. Я завѣшиваю окна-плащомъ и пледомъ и принимаю еще морфій. Мало-по-малу дрожь нервовъ утихаетъ, все во мнѣ цѣпенѣетъ, и я забываюсь нездоровымъ, тяжелымъ сномъ...

Холодный, сѣрый день сурово смотритъ на меня сквозь запотѣвшія стекла оконъ. Я медленно, нехотя одѣваюсь и со страхомъ подхожу къ умывальнику. Когда у меня развиваются нервы—мнѣ до болѣзненности неприятно ощущеніе холодной воды. Чувствую себя я вялымъ, слабымъ, голова тупо болитъ, во рту горькій, противный вкусъ...

Съ трудомъ проглотивъ стаканъ чаю, иду изъ дому. Вѣтеръ бѣшенно треплетъ деревья и потрясаетъ хрупкія деревянные дачныя постройки. Меня насквозь прохватываетъ холодомъ, и я плотно закутываюсь въ свой широкий плащъ. Не вѣрится, что были теплые, солнечные дни. По небу плывутъ и клочья тяжелыя, сѣрыя тучи, и отъ нихъ вѣтеръ приноситъ холодъ и свѣжій запахъ снѣга.

Над кладбищем черной сѣткой кружатся и кричатъ вороны. Будетъ дождь или снѣгъ...

Я сажусь на берегу, прямо въ песокъ и сижу долго, ни о чемъ не думая, тупо слѣдя за бѣлыми барашками, снова и снова, безъ конца прибывающими къ берегу. Меня всего проникаетъ глубокое спокойствіе. Кажется, что всѣ эти шумы, все это смѣтаніе и страхъ вырвались изъ моей души наружу, и тамъ воцарилась мертвая, жуткая тишина пустоты...

Такъ сижу я часъ, два часа, можетъ быть, больше—не помню, сколько. Когда встаю, то едва могу двигать околѣвшими руками и ногами. Съ трудомъ поднимаю на холмъ и медленно бреду по кладбищу. Вороны все кричатъ, деревья шумятъ. Мнѣ нестерпимо холодно. Нужно чѣмъ-нибудь согрѣться. Хорошо бы выпить большой стаканъ крѣпкого вина! Я мечтаю о винѣ и дохожу до яхтъ-клуба. Здѣсь я встрѣчаюсь съ Володей Турцевичемъ.

Мы сходимся у буфета, и онъ дѣлаетъ свое молодое, безусое лицо холодно-суровымъ, замѣтивъ меня. Но сдержанно здоровается и потомъ требуетъ себѣ стаканъ вина. Какъ разъ въ одно время буфетчикъ наливаетъ ему и мнѣ по стакану вина. Мы протягиваемъ руки и беремъ свои стаканы. Онъ приближаетъ свой стаканъ къ моему, съ явнымъ намѣреніемъ чокнуться со мной. Я нахожу это большой любезностью съ его стороны и мысленно отмѣчаю это, какъ фактъ, говорящій въ его пользу. Но въ ту минуту, когда наши стаканы уже должны были коснуться другъ друга—онъ круто поворачивается ко мнѣ спиной, чокается съ кѣмъ-то и выпиваетъ вино, оставивъ меня съ протянутымъ въ рукѣ стаканомъ. Я констатирую и этотъ фактъ, уже не говорящій въ его пользу, и уже не мысленно, а вслухъ:

— Это невѣжливо, молодой человекъ...

Затѣмъ я выпиваю свое вино, расплачиваюсь и отхожу отъ буфета. Турцевичъ нагоняетъ меня, красный, задыхающійся отъ злости и, преградивъ мнѣ дорогу, отчеканиваетъ, уставившись въ меня злыми глазами:

— Прощу васъ не учить меня вѣжливости!..

Я смѣюсь и отвѣчаю въ его стилѣ:

— Телеграмма съ запозданіемъ... Но будьте добры, пропустите меня!..

Онъ блѣднѣетъ, тяжело дышитъ, и губы его прыгаютъ отъ гнѣва.

— Вы—нахаль!—вдругъ выпаливаетъ онъ ни съ того, ни съ сего:—Я постараюсь, чтобы вамъ воспретили входъ въ яхтъ-клубъ!..

— Хорошо,—говорю я:—вы постараетесь, чтобы мнѣ воспретили входъ въ яхтъ-клубъ. Не достаточно-ли, однако, этого для того, чтобы вы, наконецъ, дали мнѣ дорогу?..

Мое спокойствіе дѣйствуетъ на него, какъ струя холодной воды на зажженный фейерверкъ, который шипитъ, трещитъ и, въ концѣ концовъ, гаснетъ и перестаетъ вертѣться. Турцевичъ теряетъ подъ собой почву, краснѣетъ, снова блѣднѣетъ, отходитъ въ сторону и съ преувеличенно вѣжливымъ жестомъ говоритъ:

— Пожалуйста!..

Я торжественно прохожу мимо него. Всѣ присутствующіе смѣются. Его губы кривятся, онъ кусаетъ ихъ и едва удерживается, чтобы не расплакаться, какъ дитя...

Я присаживаюсь въ сторонѣ къ столику, беру газету и читаю. Изрѣдка поднимаю надъ газетой глаза и слѣжу за нимъ. Онъ стоитъ у буфета и пьетъ стаканъ за стаканомъ. Я считаю: онъ пьетъ уже четвертый стаканъ. До моего прихода онъ, вѣроятно, выпилъ столько-же, если не больше. Потомъ онъ отходитъ, тяжело опускается на стулъ и задумывается, уронивъ голову на грудь,

и закрывъ глаза. Въ комнатѣ вдругъ становится тихо, и слышенъ вѣтеръ, шумящій за стѣнами клуба въ березахъ и соснахъ. Кто-то смотритъ въ окно и про себя говоритъ:

— Вотъ идетъ Зина Каменева... Кого она въ такую погоду ищетъ?.. Глаза всѣхъ устремляются на Турцевича, потому на меня. Онъ вздрагиваетъ, но дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ и не замѣчаетъ. Я прикрываюсь газетой и усиленно стараюсь вникнуть въ строчки передовой статьи о мароккскихъ дѣлахъ.

— Не трудно угадать, кого она ищетъ,—говоритъ мой сосѣдъ, молодой человекъ, съ бритымъ лицомъ и хитро смѣющимися глазами.

Я скорѣй чувствую, чѣмъ вижу, что онъ при этихъ словахъ киваетъ въ мою сторону. Слышится сдержанный, шипящій смѣшокъ, и кто-то язвительно хихикая, громко замѣчаетъ:

— Идея свободной любви, проповѣдуемая нынче въ литературѣ, проводится, какъ видите, и въ жизнь...

Эта шпилька уже явно направлена въ меня. Она вонзается мнѣ въ сердце и производитъ въ немъ цѣлую бурю, которую я едва сдерживаю. Но молчать дольше я не могу. Тутъ дѣло касается не только меня. Они порочатъ ни въ чемъ неповинную дѣвушку. Я откладываю въ сторону газету и, стараясь казаться спокойнымъ, обращаюсь ко всѣмъ со слѣдующими словами:

— Мнѣ кажется, господа, что вы клеветаете на совершенно невинную дѣвушку. Я хорошо знаю ее, и могу поклясться, что она не совершила ничего, что могло-бы бросить на нее хоть малѣйшую тѣнь...

Мое заявленіе является для всѣхъ неожиданнымъ и потому производитъ впечатлѣніе. Сразу водворяется тяжелое, неловкое молчаніе. Никто не рѣшается возразить...

Тогда Турцевичъ встаетъ и съ минуту смотритъ на меня помутнѣвшими отъ опьяненія глазами.

— Вы ждете!—тихо и отчетливо говоритъ онъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ:— Вы ждете!—повторяетъ онъ снова и садится на свое мѣсто.

Его лицо дергается гримасой внутренней боли, и руки на колѣняхъ слегка подпрыгиваютъ.

— Вы мнѣ за это отвѣтите!—говорю я, блѣднѣя, и начинаю дрожать всѣмъ тѣломъ.

Я роюсь въ боковомъ карманѣ и достаю свою визитную карточку. Кто-то беретъ ее у меня и передаетъ Турцевичу. Потомъ мнѣ приноситъ его карточку. Всѣмъ ясно, что это вызовъ на дуэль. Снова въ воздухѣ повисаетъ тяжелое молчаніе. Я прядусь за газету и тихо дрожу. Я оскорбленъ до глубины души за бѣдную дѣвушку, и во мнѣ глухо кипитъ злость. Мнѣ хочется еще сказать Турцевичу что-нибудь злое, ѣдкое, чтобы уколотъ его въ самое сердце. Но я знаю, что послѣ вызова разговаривать съ противникомъ не принято, и я молчу, стиснувъ зубы...

— Хотѣлъ-бы я посмотрѣть на того храбрца, который въ такую погоду выйдеть въ яхтъ на озеро!—снова говоритъ стоящій у окна, ни къ кому не обращаясь.

Я смотрю на Турцевича въ упоръ. Онъ поднимаетъ глаза и вызывающе смотритъ на меня. Я говорю, усмѣхался:

— Едва-ли такой найдется. Многіе храбры только на словахъ...

Турцевичъ рѣшительно вынимаетъ бумажникъ, роется въ немъ, выбрасываетъ на столъ деньги и громко говоритъ:

— Получите съ меня!..

Буфетчикъ возится съ чѣмъ-то за стойкой и медлитъ. Турцевичъ стучитъ по столу чайной ложкой и раздраженно кричитъ:

— Получите же!

Онъ уходитъ, окинувъ меня презрительнымъ, уничтожающимъ взглядомъ. Я сижу еще минутъ пятнадцать и тоже ухожу...

Падаетъ снѣгъ. Крупные, бѣлые хлопья кружатся, вьются, падаютъ на землю и таютъ. Воздухъ отъ нихъ кажется бѣлымъ и пахнетъ свѣжо и рѣзко, совсѣмъ по зимнему. Темная, холодная вода озера жадно поглощаетъ падающій на нее снѣгъ и отъ этого какъ-будто становится плотной и тяжелой. Вѣтеръ рветъ съ меня плащъ, и я крѣпко держу его, чтобы онъ не улетѣлъ.

На пристани яхтъ-клуба ни души. Я вглядываюсь въ висящую надъ озеромъ бѣлую, снѣжную мглу и вижу сѣрый парусъ, низко накренившійся, летящій къ противоположному берегу и какъ-будто съ трудомъ разрывающій повисшую между небомъ и водой густую пелену. Это несомнѣнно Турцевичъ. Этотъ молодой сумасбродъ дѣйствительно выѣхалъ въ озеро, невзирая на отвратительную погоду и бѣшеный вѣтеръ. Вотъ яхта плавно поворачивается, дѣлая широкий полукругъ, и теперь несется прямо къ пристани, ко мнѣ. Парусъ крепится все больше и вдругъ плашмя ложится на воду. Я невольно вскрикиваю и безпомощно оглядываюсь по сторонамъ. По прибрежному склону, нагнувшись и борясь съ вѣтромъ, идетъ маленькая женщина въ черной шали, осыпанной снѣгомъ. Мнѣ не видно ея лица, но мое сердце вздрагиваетъ и начинаетъ усиленно колотиться въ груди. Мнѣ кажется, что это Зина. Но я убѣждаю себя, что это не она, куда ей идти въ такую погоду? И я снова смотрю на озеро.

Парусъ поднимается и яхта, какъ ни въ чемъ не бывало, быстро скользитъ по водѣ, летитъ съ головокружительной быстротой, сбѣгая съ одной волны на другую, вверхъ и внизъ, вверхъ и внизъ. Я уже вижу сидящую въ ней фигуру Турцевича, безъ пальто и безъ шляпы, съ развѣвающимися волосами. Понемногу начинаю различать его лицо. Онъ смотритъ на меня вызывающе-насмѣшливо, съ видомъ торжествующаго побѣдителя. Онъ уже совсѣмъ близко; между яхтой и пристанью не больше десяти сажень. Я машу ему шляпой и кричу изо всѣхъ силъ:

— Довольно!.. Приставайте!..

Вдругъ лицо его сразу мѣняется. Оно темнѣетъ, становится почти чернымъ, онъ смотритъ безумными глазами на кого-то мимо меня, и какая-то отчаянная, сумасшедшая мысль искажаетъ его ротъ судорожной гримасой. Онъ приподымается, отпускаетъ парусъ, вѣтеръ широко ударяется и вздуваетъ намокшее полотно, и яхта стремительно, съ удивительной быстротой, мчится къ пристани.

— Сумасшедшій! Вы разобьетесь!—кричу я, невольно отступая назадъ. Сзади меня раздаются чьи-то мелкие, быстрые шаги. кто-то вскрикиваетъ и хватается мою руку холодными дрожащими пальцами.

Еще мгновение, я вижу темное лицо и жутко горящіе глаза Турцевича. Яхта минуетъ красный баканъ и со всего размаху наскакиваетъ носомъ на толстыя сваи пристани. Раздается сильный тупой ударъ, сухой трескъ, Турцевичъ опрокидывается назадъ и летитъ въ воду, высокая мачта описываетъ въ воздухѣ полукругъ и падаетъ на воду, на которой вздутый парусъ образуетъ громадный, упругій пузырь...

Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ люди, кто-то прыгаетъ въ лодку и кричитъ придушеннымъ голосомъ:

— Веса! Багры!..

Еще двое садятся въ другую лодку и, отталкиваясь руками отъ мокрыхъ свай, плывутъ къ разбитой яхтѣ и тамъ долго бороздятъ воду баграми. Около нихъ стоитъ Зина въ большомъ черномъ платкѣ и всл

ВЪ АКВАРИУМЪ

ВЪ ТЕАТР. КЛУБЪ

ДЕРБУРЪЗЪ
НОЧЬЮ.

ВЪ АПОЛЛО.

ВЪ ПОГРЕБКЪ
КН. МАКАЕВА.

ВЪ САФЕ ДЕ ПАРИС.

дрожить. Она смотрит на воду, приковавшись к ней глазами, сжав брови и стиснув зубы. Нервная судорога передергивает ее узкие плечи.

Безжизненное тѣло Турцевича извлекают из воды, поднимают и кладут на доски пристани. У него лицо синее, въ раскрытыхъ глазахъ видны одни бѣлки, на лбу кровь. Должно быть, при паденіи, онъ сильно ударился головой о бортъ яхты. Его долго, энергично качаютъ, растираютъ снѣгомъ, вливаютъ ему въ ротъ принесенный кѣмъ-то коньякъ. Онъ остается неподвижнымъ и бездыханнымъ. Онъ мертвъ.

Потомъ его кладутъ на скамью и не знаютъ, что дальше съ нимъ дѣлать. Снѣгъ осыпаетъ его мертвое лицо, и снѣжинки на немъ не таютъ. Я беру Зину подъ руку и тихо увлекаю за собой. Она послушно идетъ и молчитъ. Мы уходимъ, и сзади насъ, извиваясь, ползетъ по устамъ шипящая змѣя сплетни...

Пройдя со мной шаговъ двадцать, Зина вдругъ останавливается, смотритъ на меня странными, ушедшими въ себя, глазами и потомъ опускаетъ голову. Я сознаюсь, погупивъ глаза:

— Можетъ быть, я виновенъ въ его смерти...

И я рассказываю ей, какъ было дѣло. Она слушаетъ меня, не поднимая головы. Насъ осыпаетъ снѣгомъ, и вѣтеръ рветъ съ насъ платье. То, что говорилось о ней, я пропускаю и заканчиваю свой рассказъ искренними, полными горечи и сожалѣнія, словами:

— Если бы я только могъ предвидѣть, что случится такое несчастье!..

Потомъ я тихо прибавляю:

— Вѣроятно, онъ очень сильно любилъ васъ...

Зина не смотритъ на меня, молча поворачивается и медленно уходитъ. Я не смѣю слѣдовать за ней, стою и долго смотрю ей вслѣдъ. Снѣгъ падаетъ, кружится, вьется, и ее тонкая, черная фигурка таетъ и расплывается въ бѣловатой мглѣ мелькающего зѣбра...

Я не спалъ всю ночь, нервничалъ, вставалъ, ложился и снова поднимался съ постели. Укладывалъ чемоданы. Въ десять часовъ я уже сидѣлъ на извозчичьихъ дрожкахъ. Мнѣ показалось, что въ окнѣ нижняго этажа дачи шевелилась занавѣска и оттуда смотрѣла на меня Зина. Я снялъ шляпу, поклонился и, подумавъ, что, можетъ быть, она не замѣтила моего поклона, снова снялъ шляпу и поклонился. Но занавѣска больше не шевелилась.

Небо синее и безоблачно; солнце ярко сияетъ и порядкомъ грѣетъ. Снова лѣто. Отъ вчерашней непогоды не осталось никакого слѣда. Между стеновъ кладбищенскихъ осеней и березъ стлѣбѣтъ и сверкаетъ на солнцѣ опрокинувшимся въ водѣ небомъ тихое, прозрачное озеро. Я невольно поворачиваюсь туда лицомъ, и мои глаза приковываются къ яхтѣ-клубу. На его шпиль, въ знакъ траура, приспущенъ флагъ. У пристани цѣлой флотиліей выстроились яхты съ поднятыми парусами. Ихъ мачты обвиты чернымъ крепомъ и вымпела на мачтахъ также приспущены. Ближе другихъ стоятъ двѣ бѣлая яхты съ громадными, черными, мрачно вздувшимися парусами, на животѣ которыхъ рѣзко вырисовываются бѣлые, нашитые кресты. При видѣ этихъ яхтъ у меня сердце тоскливо сжимается. Я соскакиваю съ дрожекъ на ходу и кричу извозчику, чтобы онъ ждалъ меня на вокзалѣ. Самъ же торопливо направляюсь къ яхтѣ-клубу.

На пристани въ сборѣ всѣ члены клуба, много и посторонней публики. Я еще издали слышу раздающагося тамъ церковное пѣ-

ніе, и свѣжій вѣтеръ приноситъ ко мнѣ сладкій запахъ ладана. У меня слабѣютъ ноги, я медленно, съ трудомъ подвигаюсь впередъ и, наконецъ, достигаю пристани.

Передо мною почему-то разступаются и молча даютъ мнѣ дорогу. Я чувствую на себѣ мрачные, враждебные взгляды, которыми провожаютъ меня оставшіеся за мной, но чувствую также и то, что эти люди, такъ неодобрительно настроенные ко мнѣ, все-же признаютъ за мною какое-то право быть впереди другихъ. Я приближаюсь къ гробу въ ту минуту, когда священникъ, произнося послѣднія слова панихиды, съ минуту молча кадитъ надъ глазетовой крышей гроба. Потомъ гробъ поднимаютъ члены яхтѣ-клуба и несутъ къ краю пристани, за которыми тихо покачиваются двѣ яхты съ черными парусами. Онѣ привязаны одна къ другой бортъ-о-бортъ, образуя пловучій катафалкъ, усыпанный и обвѣшанный вѣнками и еловыми вѣтвями. Поперекъ обихъ яхтъ положены доски, на которыя и ставятъ гробъ. Четыре молодыхъ человѣка, въ черныхъ сюртукахъ, съ обнаженными головами, всходятъ на эти яхты и чего-то ждуть. Я стою на самомъ краю пристани и недоумѣваю: чего они еще ждуть? Но они смотрятъ на меня, всѣ стоящіе на пристани также смотрятъ на меня и ждуть. Я безпомощно оглядываюсь по сторонамъ и вижу, что именно отъ меня всѣ чего-то ждуть. И безвольно повинаясь этимъ безчисленнымъ, устремленнымъ на меня глазамъ, я дѣлаю шагъ впередъ и ставлю погу на бортъ, отчего обѣ яхты съ гробомъ качаются и скрипятъ. Одинъ изъ молодыхъ людей подаетъ мнѣ руку—и яхты отчаливаютъ. Вслѣдъ за нами выплываютъ остальные яхты, выстроившись длинной цѣпью по двѣ въ рядъ...

Бѣдный Володя Турцевичъ! Онъ совершаетъ свое послѣднее плаванье по озеру—подъ черными парусами. Яхты трутся одна о другую, слегка кренятся, и серебряныя кисти гроба чертятъ по синей водѣ. Вѣтеръ на озерѣ довольно свѣжій, и мы быстро пересеемъ къ кладбищу. Молодые люди молча, какъ автоматы, правятъ, двое—парусами, двое—рулями. Я стою на доскахъ, посредицѣ, съ обнаженной головой, и руками, для сохраненія равновѣсія, касаюсь крыши гроба. Мнѣ кажется, я чувствую сквозь запахъ воды и еловыхъ вѣтвей, трушный запахъ; у меня кружится голова, и къ горлу подкатываетъ противный клубокъ, котораго я никакъ не могу проглотить. Отъ блеска воды, неба и солнца въ глазахъ рябитъ, мелькаетъ, рѣжетъ; я сильно сжимаю вѣки, и по моимъ щекамъ скатываются слезы. Мнѣ грустно, тяжело, жаль себя, Зины, Турцевича. У меня отъ слабости подгибаются колѣни, я едва стою и все сильнѣе упираюсь руками въ гробъ. Молодые люди молчатъ и правятъ...

Желтый, песчаный склонъ кладбища усыпанъ пестрой толпой дачниковъ, ожидающихъ прибытія печальной процессіи. Въ толгѣ идетъ легкое движеніе, одни спускаются внизъ, къ самой водѣ, другіе поднимаются вверхъ, къ соснамъ, и надъ обнаженными головами плывутъ и колышутся красные, бѣлые и лиловые зонтики женщинъ. Мы обигаемъ купальни и подѣзжаемъ къ пристани, и тотчасъ-же насъ окружаютъ слѣдовавшіе за нами яхты. Онѣ похожи на стадо бѣлыхъ лебедей, кружащихся вокругъ пары черныхъ. Съ колокольни кладбищенской церкви раздается сначала грустная, минорная гамма маленькихъ колоколовъ и потомъ—тяжелый, нестройный аккордъ большихъ. И пока яхты привязываются къ пристани и выгружаются на берегъ блестящій, глазетовый гробъ, похоронный звонъ льется съ колокольни и стелется надъ озеромъ, стая воронъ кружится надъ нами и кричитъ, пестрая тол-

па колышется и движется, и зонтики плывутъ надъ головами взадъ и впередъ, вправо и влѣво. Черные паруса плавучаго катафалка какъ будто впитываютъ печальный звонъ, становятся еще чернѣй и тяжелѣй и тихо падаютъ внизъ. Бѣлая крылья другихъ яхтъ также опускаются и складываются...

Я схожу на берегъ послѣднимъ, и первое, что мнѣ бросается въ глаза—это Зина, стоящая въ сторонѣ, отдѣльно отъ всѣхъ, въ черномъ платьѣ, съ бѣлымъ шарфомъ на головѣ, изъ котораго выглядываютъ только ея большіе, темные, неподвижно-испуганные глаза. Я встрѣчаюсь съ ней взглядомъ, она смотритъ на меня, какъ будто не узнавая, потомъ отворачивается и идетъ за толпой, хлынувшей по холму вверхъ вслѣдъ за мѣрно качающимся и сверкающимъ на солнцѣ гробомъ. Ея ноги въ желтыхъ туфелькахъ глубоко вязнутъ въ песокъ, вѣтеръ взвываетъ надъ ея плечомъ конецъ бѣлаго шарфа и бьется въ ее платье, спутывая ей ноги. Ей трудно подниматься наверхъ, но она молода, преодолѣетъ и эту и еще много всякихъ трудностей жизни. А мнѣ съ каждымъ годомъ жить становится все труднѣй...

Я возвращаюсь на лодкѣ озеромъ къ вокзалу. Звонъ о смерти не умолкаетъ, и еще долго, сидя уже въ вагонѣ, я слышу его и представляю себѣ глазетовый гробъ, стоящій посредицѣ маленькой, сумрачной кладбищенской церкви. Онъ простоятъ тамъ весь день и всю ночь, и завтра утромъ его опустятъ въ могилу, вырытую среди осеней, въ мягкомъ, сыпучемъ пескѣ. А вороны еще нѣсколько дней послѣ этого будутъ кружиться и кричать надъ свѣжей могилой...

Локомотивъ даетъ свистокъ, и поѣздъ трогается. Я їду... Куда? Зачѣмъ?.. Богъ знаетъ, гдѣ я найду покой для своихъ издерганныхъ нервовъ...

Вил. Лемели

ВЕСЕННЕЕ РАЗДУМЬЕ.

Проходить дни, уходятъ дни..
Что жъ оставляютъ намъ они?
Какъ моря бурного отливъ,
Песчаный берегъ обнаживъ,
Хоронитъ много жертвъ на немъ,—
Тамъ рядъ могилъ мы обрѣтемъ.
На нашемъ я изнѣнномъ пути.
Обратно ль вздумаемъ пойти,—
Неслышный времени полетъ
И насъ, и слѣдъ нашъ замететь...

Но можемъ мы торжествовать,
Любви постигнувъ благодать:
Приливамъ дней, отливамъ дней
Не доплеснуть на выси къ ней!
Пройдетъ ли мигъ, пройдетъ ли годъ,
Вѣковъ ли хмурый оборотъ,—
Въ восторгахъ нѣжности она
Все неизмѣнна, все юна,
И будетъ также, безъ конца
Живить грядущія сердца.

Иной одежды сердцу нѣтъ:
Всѣ утѣшенія—жалкій бредъ.
Въ пустынь призрачныхъ мировъ,—
Одна любовь ему покровъ...
Какъ чудно въ ней просвѣтлѣны
Земные сумерки и сны!
Что ни полюбимъ мы, во всемъ
Душѣ безсмертье обрѣтемъ,—
И время самое, какъ тѣнь,
Отбросимъ въ блескъ и вѣчный день!

К. Боговѣ

Звѣри.

Монологъ А. Ефимова.

Памяти Е. К. Ку—вой.

Онъ обошелъ всѣ занятыя въ трактирѣ столики, удивляя полупьяную публику незатѣйливыми ручными фокусами, собралъ немного денегъ и потомъ вернулся ко мнѣ и, свѣвъ за мой столикъ, дрожащей рукой налилъ себѣ рюмку водки.

Давно небритое лицо его, съ сѣдою щетиною и красными подосами вмѣсто бровей, отекло отъ привычнаго пьянства. Старый сюртукъ съ вытертыми рукавами, брюки съ вздутыми колѣнками и бахромками внизу свидѣтельствовали о «плохихъ дѣлахъ», грязное бѣлье, невымытыя руки—о нравственномъ упадкѣ.

Онъ выпилъ подъ-рядъ двѣ рюмки, закусилъ коркой хлѣба съ солью и, обратившись ко мнѣ заговорилъ, сначала вяло, потомъ оживляясь, не то отъ своихъ воспоминаній и словъ, не то отъ водки, которую онъ, не замѣчая, глоталъ рюмку за рюмкой.

Онъ говоритъ:

— Вотъ вы, господинъ, смотрите, на меня и думаете: «свинья ты, свинья гнусная. Нѣтъ въ тебѣ ни образа, ни подобія человѣка!». Совершенно-съ вѣрно. Свинья!.. Любушка моя, Любушка!.. если бы она изъ гроба своего, изъ могилы, увидѣла меня, ужъ такъ-то бы по щекамъ отшлепала!.. Умерла—и опустился, погрязъ... Иванъ Прошинъ меня увидѣлъ. Знаете Прошина? Партеръ работаетъ. Въ циркѣхъ теперь 200 рублей получаетъ, а я его щенкомъ «каучуку» училъ. Да! увидѣлъ меня тутъ, проѣздомъ, такъ заплакалъ. Саша, говоритъ, что это ты дѣлаешь? Хотѣлъ меня съ собой увезти... Нѣтъ, говорю, Ваня, не надо! ничто мнѣ теперь не мило!». Да-съ! Любушку-то я помянулъ, жена моя, Любовь Алексѣевна. Что за женщина была! Высокая, плечи широкія, грудь волною, волосы, какъ лень, длинные, длинные, и глаза черные. Красота! Какъ выйдетъ это она на сцену въ шароварахъ, рубашка бѣлая, золотомъ шитая и курточка короткая, а на головѣ шапочка,—публика, звѣрь этотъ ненасытный, сразу, бывало, ошалѣетъ. Оретъ, стучитъ. А она ручкой «комплиментъ» сдѣлаетъ и начнетъ удивлять. Какъ работала! Чистота, легкость! На всю Россію, можно сказать, одна была. Мы такъ и писали: «Любовь Застрѣлина»,—это моя фамилія, Александръ Петровъ Застрѣлинъ,—да, а потомъ красной строчкою: «единственная въ мірѣ шпагоглотательница!». И это безъ обмана, Единственная! А то былъ у нея костюмъ: бѣлое платье и рукава отпашныя. Руки у нея красивыя были. Волосы распущены и въ нихъ водяныя лиліи. Офеліей назывался. А еще костюмъ—вся въ трико. Плечи, руки, грудь голыя и корсажъ либо голубой, либо красный. Тутъ прямо съ ума сходили. Господи! Однихъ портретовъ ея иной вечеръ на 20 рублей продавалъ. Да! И вотъ я, старый песь, живъ, а она сибда. Спалъ ее звѣрь этотъ. Горничной у господъ была. Разъ пришла въ циркъ, другой, а я въ тѣ поры воздушный гимнастъ былъ, на трапеціи работалъ. Вышелъ снова, и она идетъ. Заговорили. Очень ужъ мнѣ она понравилась. Я и сманилъ. Сталъ возить ее съ собою. Другимъ человѣкомъ сдѣлался. Оработалъ свое и домой, къ ней, а не въ трактирѣ. Все-то она приберетъ, за вѣкъ присмотритъ. Мы и ѣздили. Только разъ она и привяжись ко

мнѣ: «Хочу работать съ тобой!» да и кончено. Что-жъ ты можешь? Гимнастику уже поздно. Проволоку если... Упаси Богъ, разобьется. А она все пристаётъ. «Ну, хорошо, думаю, выучу ее шпаги глотать. Дѣло простое». А я, господинъ, не зналъ тогда, что отъ этой работы или ракъ прикидывается, или гордовая чахотка. Много уже спустя намъ докторъ одинъ сказалъ, ну да тогда она уже бросить не хотѣла. Втянулась. Опять и успѣхъ имѣла. 50 рублей за выходъ давали. Только мы больше отъ себя работали...

Да... что, бишь, я?... Дѣло-то, видите-ли, сударь, дѣйствительно самое простое. Ежели у васъ шея поставлена хорошо, никакихъ т. е. искривленій, — запрокиньте голову, а шею совсѣмъ выпрямите. Тогда это самое горло съ пищепроводомъ какъ есть ровная трубка будетъ. Суй туда, что хочешь, все равно, какъ въ футляръ. Понятно, сноровка нужна. Опять, человѣка, съ непривычки, рветъ всегда, ежели онъ даже просто палецъ сунетъ или перомъ пощекочетъ. Это потому, собственно, что тамъ есть мускулы такіе и они сейчасъ глотательную спазму дѣлаютъ. Понимаете? Ну, такъ отъ этого надо безпрѣмѣнно отучиться, и наука эта не всякому дается. Вотъ все это я сказалъ Любушкѣ. То-есть все это потому мы съ нею узнали, а по началу я просто зналъ только, какъ обучить этому. Она сейчасъ же: «учи да учи!» И начали мы. Любилъ я ее страсть какъ! И артисткой сдѣлать охота, и страхъ беретъ, и заманиваетъ. Начали. Сначала я палочку выровнялъ, тоненькую, гладенькую... лакомъ покрылъ и далъ ей. Сразу и начала. Чуть у ней свободное время, — сейчасъ головку запрокинетъ и палочку въ ротъ. Стоитъ или сядетъ и все ее дальше пропихиваетъ. И способная была, Господи, Боже мой! Въ двѣ недѣли уже я ей сдѣлалъ въ полтора аршина палку и она ее до половины опускала. Вставитъ и ходить съ нею. Тогда я ей вродѣ сабли сдѣлалъ, на манеръ ливейки и къ концу даже заострилъ. Да! И съ ней выучилась. Такая была способная. Разъ это я легъ спать послѣ обѣда; проснулся, а она говоритъ: «Смотри!». Достала гдѣ-то старую шпажонку чиновничью, встала, выпрямилась, голову назадъ. Пш... и всю ее, до рукоятки! Я такъ и замеръ!.. Свѣтъ, — въ ту пору солнце садилось, — на нее изъ окошка упалъ и волоса ея золотомъ, сіяніемъ загорѣлись. Стоит... руки въ боки... богиня!.. Вынула шпагу, спрашиваетъ: «Могу теперь?» Свалился я съ постели въ ноги, обнялъ ее, а самъ плачу отъ радости. Да вѣдь мы съ тобой теперь всякому носъ утремъ!.. Такъ, господинъ и стала она артисткою. Купилъ я шесть шпагъ. Столъ такой устроилъ, краснымъ плюшемъ обилъ и на немъ шпаги и платокъ шелковый. Выйдетъ это она, моя красавица, сдѣлаетъ «комплиментъ» и сейчасъ беретъ шпагу, платкомъ вытереть и въ ротъ. По три шпаги заразъ принимала! Вотъ! Иной не вѣрится, попроситъ шпагу, осмотрѣть, стало быть. Думаетъ: «съ фокусомъ». Ну, повертеть, понюхаетъ и отдастъ. Какой тутъ фокусъ! Даръ Божій! Въ первый разъ она въ Москвѣ выступила. Шуму сколько было! Потомъ въ ея уборной труба нетолстая. Доктора пришли, горло смотрѣли. Огромный успѣхъ былъ... Ну и деньги. Я въ тѣ поры трапецію бросилъ, сталъ тоже учиться и сдѣлался «факиромъ». «Факиромъ неуязвимымъ» работать сталъ. Это, знаете, раскаленное желѣзо грызть, руками брать, олово расплавленное въ ротъ вливать, въ котелъ съ огнемъ садиться; тоже по гвоздямъ ходить, бритвой на животѣ яблоко рѣзать или по рукѣ бить; ну и гвозди втыкать въ себя. Это, видите-ли, сударь, тоже сноровка нужна и даже, можно сказать, обманъ малень-

кій, только все-таки не даромъ дается. Зубы всѣ пропали. Безъ обжоговъ не ходитъ никогда, ну, и порѣзы бывали. Вотъ мы съ ней и начали по Россіи ѣздить. Я, значитъ, «неуязвимый факиръ», а она «шпагоглотательница». И гдѣ мы съ ней не были? И въ Крыму, и въ Царствѣ Польскомъ, и на Волгѣ, и въ Баку, и въ Иркутскѣ. Вездѣ были и вездѣ — успѣхъ. Понятно, она! И красота, и отвага... Сперва шпаги, а тамъ стала кривыя сабли глотать, а тамъ ружье солдатское, штыкомъ внизъ, да съ нимъ балансъ дѣлаешь, а въ каждой рукѣ по пистолету. Вацъ, вацъ! Очень любили этотъ номеръ! Потомъ думалъ я, почему это публика такъ любить эти наши представленія? А? И вотъ я скажу вамъ — крови нашей увидать хочетъ. Идетъ, и думаетъ: «вотъ, на наше счастье, кровь прольется». Ежели бы позволили на афишѣ написать: «Будетъ живой человѣкъ свиньямъ скормленъ»,—изъ за мѣстовъ бы кровопролитіе было. Вѣрно я говорю вамъ, сударь! Потому, скоты звѣрье... Чего мы съ ней, съ моей Любушкой, не пережили... Деньгу копить стали! Да! Думали сами циркъ снять. Не привелъ Господь!..

Ну, надо сказать, и среди своихъ подлостей было не мало тоже. Одинъ разъ въ Кіевѣ работала. А тамъ одна на проволоку работала тоже, и очень ее любили. Только моя Люба всѣхъ отшибла у нея. Какъ выпла это со своимъ номеромъ, въ трико одѣтая. Электрической свѣтъ на нее. Ну, и конецъ! Только и разговора, что о ней. Сразу насъ на шесть ужиновъ пригласили. Только она берегла себя и я не любилъ этого. По-божески ушли. Конфеты это, букетъ, шампанскаго стаканъ и—никакихъ! А этой Гризли, —Гризли она себя звала—просто смирли. Зеленая стала. И былъ у нея тамъ же любовникъ. Куплеты пѣлъ. Она его и научи. Чтотъ бы вы думали? Онъ, подлецъ, канифолью ей на шпагу капнулъ. Да! Что было, что было! Заснула это Любушка моя шпагу, а какъ назадъ вынуть, вскрикнула и всю ее въ крови выбросила, а у самой кровь горломъ. Я такъ и затрясся. Думалъ, смерть! Докторъ тутъ объявился. Кровь перешла. Канифоль-то эта прицѣпилась тамъ да ей, голубушкѣ, съ нутра кусокъ оболочки и сдернула. 10 дней лѣчилась. Э дилъ ѣсть не могла. И было же тогда. Публика узнала и чуть не убила этого мерзавца, а Гризли потомъ такъ освистали... Да, всего было... И ѣздили мы съ ней до послѣдняго ея часа. Слово предчувствовала, голубушка моя... Подъѣзжаемъ это съ ней къ Саратову (а я тамъ залъ снялъ), подъѣзжаемъ, а она и говоритъ: «Знаешь,—говоритъ,— Саша, я здѣсь помру!» Я даже вздрогнулъ. «И чего это ты надумала?» «Такъ, — говоритъ, — видѣла». Вотъ ей Богу не вру. И рассказываетъ она мнѣ сонъ, будто набросилась на нее стая волковъ и растерзала ее. Я, будто, бѣгу ей на помощь, а ей большой волкъ прямо въ горло вцѣпился. Повѣрите-ли, господинъ, все, вѣдь, такъ и вышло. Господъ посылаетъ намъ вѣщій сонъ, Ангель Хранитель шепчетъ: «Берегись, моля, а мы въ презрѣніи держимъ и въ суетѣ не внемлемъ. Засмѣялся я ей тогда и говорю: «Дура, ты сперва у гадалки спроси. Можетъ, сонъ этотъ къ благополучію!» Потомъ и она смѣяться стала. Вотъ и пріѣхали мы въ этотъ проклятый городъ... Судьба была моей Любушкѣ!.. Я, какъ всегда это, пошелъ къ полицеймейстеру на счетъ афиши, потомъ въ типографію, потомъ въ редакцію—объявленія сдать и пригласить отъ газеты кого слѣдуетъ.

Вернулся, пообѣдали мы съ ней и пошли залъ осматривать. Все хорошо. Свадьбы у нихъ тамъ и балы справлялись. Залъ большой, 300 стульевъ установилъ да скамей-

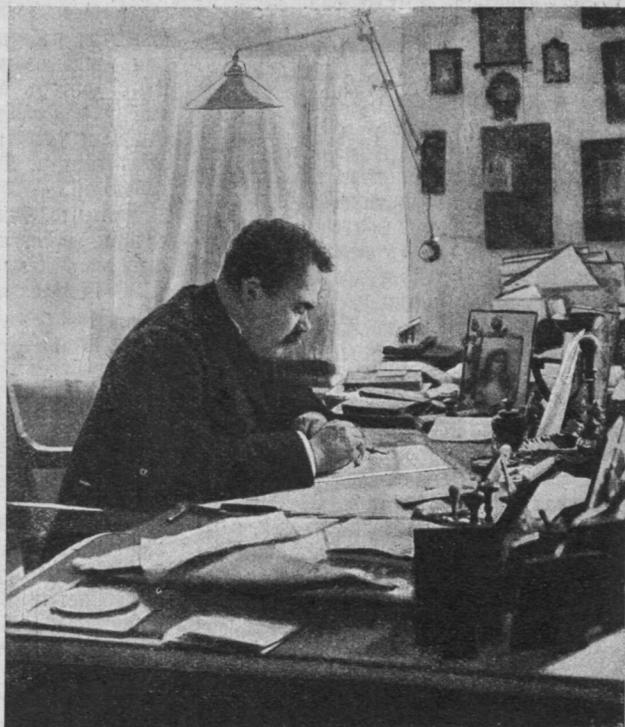
Какъ живетъ и работаетъ с.-петербургскій городской голова Н. А. Рѣзцовъ.

С.-Петербургскій городской голова Н. А. Рѣзцовъ въ своемъ кабинетѣ.

Со снимковъ, исполненныхъ для журнала «Огонекъ» фотографомъ А. Мопюшко.

Къ дѣлу князя А. Г. Гагарина въ сенатѣ.

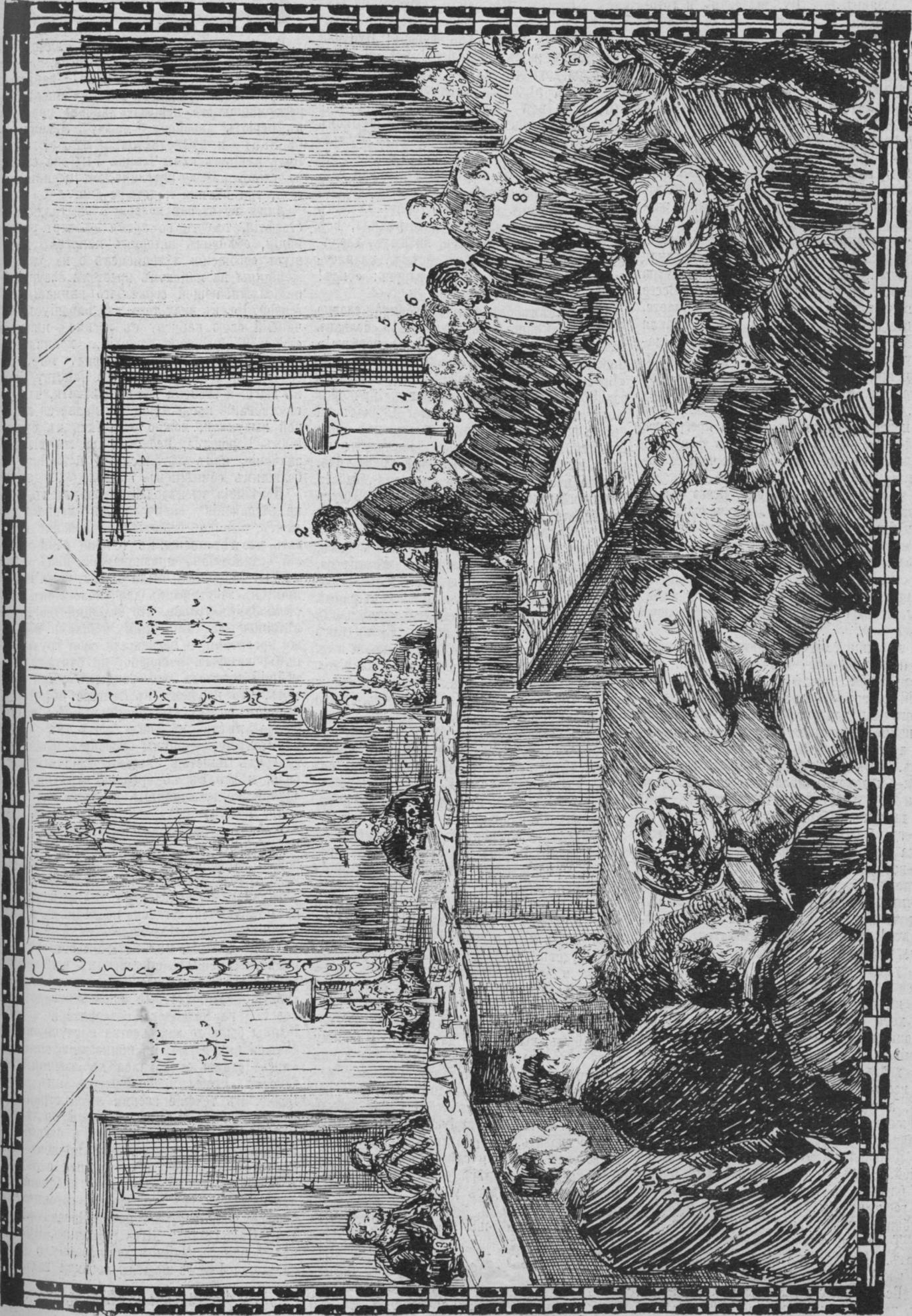

Бывшій директоръ спб. политехническаго института князь А. Г. Гагаринъ за работой.

Со снимка, исполненнаго для журнала «Огонекъ» фотографомъ-любителемъ И. С. Длусскимъ.

С.-Петербургскій городской голова Н. А. Рѣзцовъ дома за рабочимъ столомъ.

Дѣло бывшего директора Политехническаго института, князя А. Г. Гагарина, въ Сенатѣ: 1) Предсѣдатель, сенаторъ Случевскій, 2) нн. А. Г. Гагаринъ, 3) защитникъ его, прис. пов. А. Андреевскій, 4) проф. Станевичъ, 5) защитникъ, прис. пов. Люстихъ, 6) прис. пов. Бартъ, 7) Д. Д. Устроговъ, 8) М. М. Матусевичъ.
Оригинальный рисунокъ съ натуры для журнала «Огонекъ» художника И. М. Грабовскаго.

ки позади, а для музыкантовъ эстрада та-кая, тоже большая. На ней я сцену сдѣ-лалъ. Только полъ досчатый былъ. Я велѣлъ ковромъ застлать. Все, говорить, бу-детъ! Хозяинъ-то. Ну, мы себѣ и гото-виться начали. Я то высался да пошелъ въ городъ по трактирамъ. Это, знаете, луч-шее знакомство. Тамъ вышьешь, тамъ на баллиардѣ сыграешь—лучше афиши всякой. По магазинамъ тоже. Зайдешь, папирсыку-пишь, въ другомъ—коробку килекъ или конфектъ и опять разговоры. Попросишь афишу повѣсить. Ну, вотъ такъ и ходилъ, а она костюмчики свои переворачивала, рас-правляла; снаряды свои переглядывала, все-ли въ порядкѣ. Потомъ я вернулся, пригласилъ хозяина, устроили мы чай, ужинъ, раз-говаривали. Все, какъ повсегдашнему. А тамъ спать легли. И ни я, ни она не думали, что это послѣдній нашъ вечеръ, послѣдняя ночь наша... Эхъ, Люба!... Да-съ!.. съ утра это афиши, въ газетахъ объявление: «Всего три представленія. Проѣздомъ!» Знаете, какъ всегда это дѣлается. А два спектакля и про случай оставилъ: «по особому жела-нію публики...» Да!.. билеты сразу пошли. Только продавай. У хозяина дочка, хоро-шенькая такая дѣвочка; такъ она въ кассу сѣла... Вечеръ наступилъ. Я уже все наше добро перенесъ, и пошли мы. По программѣ у насъ—сначала я съ ручнымъ фокусомъ выходилъ—«профессоръ бѣлой и черной ма-гій», потомъ она, потомъ опять я «неуязви-мымъ факиромъ» и опять она. Всего только и давали четыре номера. Случалось, что гдѣ въ городѣ товарищъ окажется. Ну, ему тоже мѣсто. Только мы такого съ ней на разовыхъ брали. Вотъ-съ одѣлся я «ма-гомъ», костюмъ у меня такой былъ: ха-латъ шелковый, темный, а на немъ змѣи, ищеры, мертвыя головы, совы... а на головѣ колпакъ.

Въ провинціи очень любятъ это. Въ Мо-сквѣ и Петербургѣ—тамъ во фракѣ. Из-вѣстно—вкусъ тонкій и больше на евро-пейскій манеръ. Въ провинціи я завсегда съ языкомъ ломался «мой шляпа», «давайте мнѣ немножко носового платка», по балаган-ному, а въ столицахъ всегда чисто разгова-ривалъ. Такъ все и было. Вышелъ я—зала полная—и давай удивлять. Вотъ вы здѣсь видали мою работу? чисто? а теперь что! руки дрожать, глаза плохо видятъ; не то, что тогда было. Опять и приборы разные. Кѣтъка тамъ, пистолеть, скелетъ танцую-щій—все было! И удивлялъ. Смѣшно, какъ подумаешь объ этой публикѣ. И звѣрь она, и скотина, и глупа, глупа!.. Иной разъ пу-стяковую штуку покажешь, для смѣха толь-ко. Нѣтъ! разинутъ рты и дивятся. И ска-ли я, что черта имъ вызову—повѣрятъ! Ей Богу, повѣрятъ. А то въ оборотъ ударят-ся. Гдѣ фокусъ, приборъ, тамъ чудо видятъ, а гдѣ натура сейчасъ про обманъ думаютъ. Вотъ хотя бы съ Любушкой моей. Рѣдко, кто понималъ, а то всѣ думали, что приспо-собленія у насъ: пружинки такія или «от-водъ глазъ», какъ фоворятъ. Одинъ ку-пецъ все кричалъ, что она за пазуху шпагу съветъ, а глаза отводитъ... Ну, кончилъ я; она вышла. Трико надѣла. Фуроръ! очень понравилась. Потомъ я «факиромъ» уже, тоже понравился. И опять она. Одѣлась Офеліей. Платье бѣлое, волоса ниже пояса, лицо бѣдное, а глаза что звѣзды горятъ. Ахъ, господинъ, и красива же она была!

Публика, какъ увидѣла ее, ревѣлъ на-чала. Только и слышно: о-о-о! да ногами топаятъ. Начала она работать. У насъ тогда весь ассортиментъ былъ и очень кра-сиво. Все я краснымъ плюшемъ одѣлалъ. Щитъ такой огромный и на немъ шпаги, а рядомъ стойка, и въ ней ружья, конья и алебарды двѣ. Алебарды-то для красоты купилъ. И я самъ во фракѣ. Съ того под-

лаго случая, что въ Кіевѣ былъ, я ужъ ни-кого къ шпагамъ не пускалъ. Самъ ихъ мылъ, чистилъ, протиралъ, а какъ ей по-дать, проводилъ по шпагѣ замшей и плат-комъ вытиралъ. Все самъ... самъ, а не убе-регъ!.. Начала она свои нумера показы-вать. Что ни нумеръ, то фуроръ! Публика это все въ ражъ приходитъ! все ей мало! Другъ за другомъ она шесть шпагъ опусти-ла. Шесть рукоятей торчатъ изъ горла. Вынула, а всѣ кричатъ «еще!» Она еще разъ! Подъ конецъ, нумеръ со штыкомъ сдѣлала. Самый тяжелый нумеръ. Ружье-то, одно 13 фунтовъ вѣситъ!.. Какъ она это всадила штыкъ, въ залѣ даже замерли всѣ. Дыханье сдерживаютъ, а у самихъ, подде-цовъ, глаза какъ у волковъ горятъ. А какъ это она изъ пистолетовъ выстрѣлила, всѣ такъ и вскочили. Кричатъ, визжатъ, хлопа-ютъ. Вынула она ружья, всѣмъ кланяет-ся, а они то кричатъ, и вдругъ: «бисъ! еще!..» Гдѣ-же это видано!

Она совѣтъ блѣдная, а публика, словно собѣсилась: «бисъ! со штыкомъ!» болванъ какой-то оретъ: «Ом-м-манъ! не повѣрю!» Она совѣтъ то-есть блѣдная. Я говорю ей: «Брось, кланяйся и уходи!», а она вдругъ захотѣла. Сдѣлала «комплиментъ» ручкой и взяла снова ружье. Я что-же? Сейчасъ ей новые пистолеты. Опять опустила она штыкъ, выровняла ружье, пистолеты въ руки взяла и стоитъ. Въ залѣ тихо, тихо. Только кто-то кричитъ: «молодца баба!» Такъ мнѣ голосъ этотъ запомнился... Вдругъ ружье это качнулось. Она шастъ въ бокъ, еще... и вдругъ, гляжу это, споткнулась! а ружье-то качнулось. Она шастъ въ бокъ, то. Мнѣ бы, дураку, за ружье схватиться, а я Любушку свою подхватилъ. Ружье-то со-вѣтъ на-бокъ, а штыкъ... Штыкъ-то я подъ рукой своей, на боку ея услышалъ, когда онъ ей все внутрѣ перепероралъ. Кровь такъ и полилась. Ружье упало, она упала, и я съ нею. Помню, тутъ подскочили какіе-то. Одинъ медикъ, студентъ, молодой такой... И все. Очнулся я-то сразу... Лежитъ. Бѣлое платье въ крови, волосы въ крови, а сама бѣлая и глаза открыты... У-у-у!.. Любушка ты моя!.. А звѣрь этотъ, публика-то самая, реветъ тамъ, гудитъ, и слышится мнѣ въ ре-вѣ ей словно радость...

Да!.. Такъ вотъ въ звѣринцѣ бываетъ, когда звѣрей накормятъ.

Прибѣжалъ репортеръ изъ газеты съ книжечкой... Потомъ эта самая публика го-ворила: «не всякому доведется такое пред-ставленіе увидѣть!» И, ей Богу, не знаю, былъ-ли хоть одинъ, который сказалъ себѣ «мы ее съѣли!».. Тутъ былъ и мнѣ конецъ. Похоронилъ я ее и записалъ. Три года скоро вотъ будетъ. Кидаетъ меня изъ города въ городъ и все по трактирамъ. Вотъ трени-ницу заработалъ и пью... а тамъ опять звѣ-ря этого потѣшу... а тамъ и жизнь кон-чится... И скажите мнѣ, господинъ, — можетъ быть, вы ученый для этого — почему такъ устроено на свѣтѣ? Вотъ вы очень приятный и вѣжливый такой, извините ме-ня, пожалуйста, и господинъ докторъ—го-сподинъ просвѣщенный, и какой-нибудь писатель то же, и нотаріусъ, и судья. Всѣ, можно сказать, хорошіе люди; а какъ толь-ко соберется вы и сдѣлаетесь публикой, сейчасъ всѣ въ звѣря обратитесь и крови захотите, и не будеть у васъ ни жалости, ни любви, ни стыда, ни совѣсти!.. Почему это, господинъ хороший?

Къ числу таинственнѣйшихъ личностей въ исторіи папства принадлежатъ, несо-мнѣнно, Иоанна, женщина-папа, занимав-шая, какъ утверждаютъ всѣ лѣтописцы до-реформаціоннаго періода, папскій престолъ, въ періодъ времени между Львомъ IV († 855) и Бенедиктомъ III († 858). Подъ именемъ папы Иоанна VIII она стояла во главѣ римско-католической церкви два года, три мѣсяца и четыре дня.

Лишь во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія, то-есть во время контръ-рефор-маціи, объявилъ историкъ папства Баро-ніусъ сообщенія лѣтописцевъ о нахожденіи женщины на папскомъ престолѣ абсурдной, незаслуживающей серьезнаго вниманія ле-гендой. Но, въ виду того, что Бароніусъ, на-чавшій свою карьеру съ весьма низкихъ ступеней духовной іерархіи, кончилъ ее кардиналомъ, а также въ виду того, что боравшемуся съ реформаціей папству было въ высшей степени важно доказать, что су-ществованіе папы-женщины является злост-ной выдумкой, можно отнести къ сужде-ніямъ Бароніуса, несмотря на его высокое значеніе, какъ лѣтописца и историка, съ большимъ сомнѣніемъ.

Новѣйшія изслѣдованія, впрочемъ, еще не рѣшающія окончательно вопроса*), даютъ, однако серьезные основанія полага-ть, что лѣтописцы, въ теченіе семи столѣ-тій, единодушно признававшіе папу Иоан-на VIII женщиной, были правы, какъ ни не-приятенъ этотъ фактъ для апологетовъ пап-ства. Замѣчательно, что большинство этихъ лѣтописцевъ, сами были монахами, или да-же прелатами, и посвящали свои труды па-памъ, которые, очевидно, не считали свя-тѣйшій престолъ опозореннымъ тѣмъ фак-томъ, что на немъ въ теченіе нѣкотораго времени возсѣдала женщина. Необходимо также имѣть въ виду, что въ концѣ IX столѣтія женщины вообще играли въ судьбахъ папства весьма значительную роль, и что въ тѣ времена нѣрѣдки были случаи, когда женщины, въ качествѣ мона-ховъ, подолгу находили себѣ пріютъ въ мужскихъ монастыряхъ, причемъ ихъ при-надлежность къ женскому полу или со-вѣтъ не обнаруживалась, или же откры-валась только спустя значительное время.

Жизнь и похождения папы-женщины представляются, согласно послѣднимъ изслѣ-дованіямъ, въ слѣдующемъ видѣ.

Отецъ Иоанны, имя котораго осталось не-извѣстнымъ, былъ англійскимъ монахомъ и потомкомъ тѣхъ греческихъ проповѣдниковъ христіанства, которые впервые водрузили крестъ на ирландской территоріи. Мать Иоанны была до замужества пастушкой, но-сившей имя Ютты. По приказанію епископа отецъ Иоанны отправился къ язычникамъ-саксамъ, чтобы проповѣдывать имъ слово Божіе. Въ теченіе восьми лѣтъ странство-валъ онъ вмѣстѣ со своею женой по лѣсамъ Вестфалии, совершая крещенія и погребенія, исповѣдая и проповѣдая, причемъ ему приходилось переносить ужасныя страданія и подвергаться смертельнымъ опасностямъ, отъ которыхъ его, по словамъ лѣтописцевъ, спасало лишь заслуженное Пресвятой Дѣ-вы. Въ 818 году Ютта родила въ Ингель-неймѣ или въ Майнцѣ дочь Иоанну и умер-ла, когда Иоаннъ пошелъ восьмью годъ.

*) См. переведенную нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ ново-греческаго на нѣ-мецкій языкъ книгу «Päpstin Johanna, eine Studie aus dem Mittelalter, von Emma-nuel Phoidis».

Очень рано Иоанна начала помогать своему отцу в его проповеднической деятельности. Отец познакомил ее с догматикой, демонологией и другими теологическими дисциплинами того времени, а также с творениями блаженного Августина и заставлял Иоанну, как своего рода «чудо природы», принимать участие в импровизированных богословских диспутах на площадях и рынках. Девочка поражала присутствовавших на этих диспутах зрелостью своих суждений и удивительно в таком ребенке эрудицией. Так странствовали они в течение пяти лет в окрестностях Эльбы, и, когда Иоанне исполнилось 15 лет, отец ее скончался.

В это приблизительно время Иоанне приснился вѣщій сонъ. Предъ ней предстали двѣ женщины. Одна изъ нихъ, святая Ида, говорила ей о радостяхъ жизни и, убѣждая Иоанну не отказываться отъ нихъ, говорила о себѣ:

— Моимъ единственнымъ достояніемъ были мои алыя губки, благодаря которымъ я приобрѣла себѣ богатство, почести и причисленіе къ лику святыхъ...

Другая женщина, святая Любба, рассказывала Иоаннѣ о блаженствѣ монашеской жизни:

— Радости, не омраченныя скорбью; независимость вмѣсто рабства; посохъ игуменны монастыря вмѣсто веретена и Христосъ вмѣсто смертнаго супруга...

Таковы были тѣ блага, которыя сулила святая Любба Иоаннѣ, и Иоанна рѣшилась послѣдовать ей увѣщаніямъ.

Она направилась въ монастырь святой Блутруды. По дорогѣ туда ей пришлось пережить весьма несприятную встрѣчу съ тремя миссіонерами, отъ насилія которыхъ ее спасли лишь горячая молитва и... ее сильныя кулаки.

Святая Блутруда скоро полюбила Иоанну за ее теологическія знанія и возложила на нее обязанности хранительницы монастырской бібліотеки, состоявшей изъ 66 томовъ, что, по тогдашнему времени, являлось сказочнымъ богатствомъ. Иоанна усердно принялась за чтеніе, наизусть выучила Священное Писаніе и творенія отцовъ церкви и строго исполняла всѣ требованія монастырскаго устава.

Но въ одинъ прекрасный день аббатисса представила Иоаннѣ восемнадцатилѣтняго бенедиктинца, который, по порученію пріора Фульдскаго монастыря, долженъ былъ списать посланія св. Павла на пергаментъ золотыми буквами.

Работа должна была производиться въ монастырской бібліотекѣ, которою завѣдывала Иоанна. Въ теченіе четырнадцати дней молодые люди усердно занимались чтеніемъ и переписываніемъ, но на пятнадцатый день... «*Quel giorno più non vi leggette avanti*», говоритъ Данте.

Молодой монахъ, Фруменціусъ, долженъ былъ возвратиться къ своему пріору и разстаться, слѣдовательно, съ Иоанной. Она была безутѣшна, да и Фруменціусъ не могъ выносить разлуки. Кончилось тѣмъ, что Иоанна переодѣлась бенедиктинскимъ монахомъ и бѣжала въ Фульбу къ своему возлюбленному.

Семь летъ провели молодые люди въ любви, согласіи и счастья въ Фульдскомъ монастырѣ и никто не догадывался о принадлежности Иоанны къ женскому полу. Случайно одинъ монахъ, большой аскетъ, но, несмотря на самооскопленіе, неравнодушный къ женщинамъ, засталъ Фруменціуса и Иоанну спящими вмѣстѣ. Онъ началъ приставать къ Иоаннѣ и былъ за это жестоко избитъ проснувшимся Фруменціусомъ.

Послѣ такого происшествія, Иоаннѣ, конечно, ни минуты нельзя было оставаться

въ монастырѣ, и въ ту же ночь они съ Фруменціусомъ бѣжали.

Война между сыновьями Людовика Благочестиваго превратила въ то время Германію почти въ необитаемую страну. Тщетно оба молодыхъ монаха стучались въ двери и ворота покинутыхъ и негостеприимныхъ хижинъ и монастырей. Иоанна безропотно переносила всѣ страданія, голодъ и холодъ и утомительность странствованій. Бѣглецы нашли себѣ пріютъ въ Сантъ-Галленскомъ монастырѣ, но лишь на короткое время, такъ какъ одинъ наблюдательный монахъ замѣтилъ, что уши Иоанны были проколоты. Пройдя всю Швейцарію, Иоанна и Фруменціусъ достигли Франціи, встрѣтили дружественный пріемъ у Агобара въ Лионѣ, и спустились по Ронѣ до Арля, сохранявшаго въ IX столѣтіи еще вполнѣ римскій характеръ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отдыхали они тамъ въ одномъ «гостеприимномъ» женскомъ монастырѣ. Но Иоанна начала слишкомъ ревновать Фруменціуса, и они отправились въ Тулонъ, гдѣ были приняты на бортъ невольничьяго корабля, отходившаго въ Александрію.

Въ Афинахъ наши путешественники-монахи высадились на берегъ. Иоанна научилась какъ отъ своего отца, такъ и путемъ чтенія Священнаго Писанія, греческому языку, и унаслѣдовала отъ отца любовь къ родинѣ своихъ предковъ, а потому охотно осталась съ Фруменціусомъ въ Афинахъ. Здѣсь оба «бенедиктинца» примкнули къ ордену «независимыхъ», и зажили отшельнической жизнью. Понемногу слухи объ умѣ, познаніяхъ и красотѣ «брата Иоанна» распространились въ Афинахъ и ихъ окрестностяхъ, и къ отшельникамъ начали стекаться толпы почитателей и почитательницъ. Теперь настала очередь Фруменціуса ревновать Иоанну, нерѣдко рыдавшую надъ своими книгами также и отъ сознанія, что ее теологическія познанія, ее краснорѣчіе остаются скрытыми отъ міра. Она усыпляетъ Фруменціуса въ своихъ объятіяхъ и бѣжитъ на корабль, который отправляется въ Италію.

Огненными рѣчами бичуетъ въ Римѣ «бенедиктинецъ Иоаннъ» развращенность своихъ современниковъ, и доказываетъ необходимость свѣтской власти папства. Его глубокія познанія, его пламенное краснорѣчіе вызываютъ оживленіе у высшихъ сановниковъ церкви; самъ папа Левъ IV обращаетъ вниманіе на молодого проповѣдника, проповѣди котораго онъ слышитъ въ монастырѣ св. Мартина. Два года проводитъ Иоанна въ этомъ монастырѣ, занимаясь сочиненіемъ гимновъ, медицины, и другими науками, и даже магіей, при помощи которой она «изгоняла бѣсовъ». Ее ученость, ее добродѣтельный образъ жизни, непоколебленный, несмотря на всѣ усилія римскихъ красавицъ, побуждають, наконецъ, папу, находившагося уже въ весьма преклонномъ возрастѣ, назначить молодого монаха своимъ личнымъ секретаремъ. На этомъ мѣстѣ Иоанна проявила столько скромности, предупредительности и безкорыстія, что скоро ей удалось совершенно обезоружить зависть приближенныхъ къ папѣ. Стараясь сдѣлать все для своихъ друзей, новый секретарь папы не требовалъ для себя ничего и отказывалъ себѣ почти во всемъ.

Въ 855-мъ году папа умираетъ. На площади св. Петра собираются кардиналы, высшее духовенство, посланники императора, *poblii* и весь народъ, чтобы выбрать новаго папу. Конклавы въ тѣ времена не было. Борьба партій велась всѣми возможными и невозможными средствами. Папа представлялъ народъ и былъ какъ бы его трибуномъ; поэтому народу принадлежало въ выборѣ папы рѣшающее слово. Подкупы избирателей были въ полномъ ходу; чѣмъ болѣе преувеличенныя обѣщанія давались

кандидатами, тѣмъ на болѣе успѣхъ у народныхъ массъ могли они рассчитывать.

И вотъ послѣ четырехдневной избирательной борьбы на папскій престолъ, избирается папѣрь Иоаннъ, т. е. наша Иоанна, и принимаетъ имя папы Иоанна VIII. Лѣтописцы увѣряють, что св. Петръ цѣлымъ рядомъ знаменій и чудесъ, какъ землетрясенія, нашествіе саранчи и т. п., обнаружилъ свое недовольство тѣмъ обстоятельствомъ, что на его престолъ вступила женщина.

Всѣ лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что Иоанна была сначала хорошимъ папой. Хлѣба и зрѣлицъ требовали древніе римляне отъ своихъ императоровъ; того-же самого требовали ихъ потомки отъ папы; только зрѣлица носили теперь христіанско-религіозную окраску. Папа Иоаннъ старался по возможности удовлетворить этимъ требованіямъ народа.

Почти два года продолжалась церковно-административная дѣятельность Иоанны, назначившей за это время не менѣе четырнадцати епископовъ и построившей пять церквей. Но когда честолюбіе ее было удовлетворено, тогда въ папѣ Иоаннѣ VIII сказалась... женщина. Жизнь, полная комфорта и роскоши, несомнѣнно, оказала влияние на Иоанну въ этомъ отношеніи. Ей надобны дѣла и аудіенціи, торжественныя богослуженія и буллы, отлученія отъ церкви и преклоненіе вѣрующихъ, и она удалась въ Остію, которая тогда была расположена у самаго берега моря. «Какъ умная женщина, — замѣчаетъ по этому поводу Фойдисъ, — она не могла повѣрить, чтобы Богъ создалъ столько благъ на этомъ свѣтѣ лишь съ тою цѣлью, чтобы люди отказывались себѣ въ нихъ». Но Иоанна боялась скандала и злыхъ языковъ, не обладая смѣлостью, обнаруженной, правда, въ позднѣйшія времена Елизаветой и Екатериной. Иоанна дѣлала все возможное, чтобы подавить свои влеченія, но это ей не удалось. За нѣсколько мгновеній до своей смерти папа Левъ IV поручилъ Иоаннѣ позаботиться о судьбѣ его племянника Флоруса, двадцатилѣтняго красавца. Иоанна назначила юношу своимъ тайнымъ камергеромъ. Съ цѣлью охраненія личной безопасности папы, вновь назначенный камергеръ дежурить по ночамъ у дверей папской спальни...

Миновало уже лѣто, а папа Иоаннъ VIII и не думалъ собираться въ Римъ и оставаться въ Остіи, гдѣ въ папскомъ дворцѣ пиры, игры и прочія удовольствія средневѣковья слѣдовали другъ за другомъ непрерывной чредою. «Но чаша жизненныхъ наслажденій выпала изъ рукъ Иоанна раньше, чѣмъ она успѣла утолить свою жажду», — замѣчаетъ Фойдисъ. Однажды, ночью, предъ Иоанномъ предсталъ ангелъ съ пылающимъ факеломъ въ правой рукѣ и съ кубкомъ въ лѣвой, и произнесъ, устремивъ на нее сверкающіе глаза:

— Иоанна, этотъ факелъ дастъ тебѣ вѣчныя мученія въ огнѣ за твои преступленія, кубокъ-же—преждевременную смерть и позоръ въ земной жизни. Выбирай одно изъ двухъ!

Иоанна, ужаснувшись вѣчныхъ мученій въ загробной жизни, схватила кубокъ позора и смерти и выпила его до дна.

Въ это время Риму приходилось переживать много бѣдствій: сарацины дѣлали набѣги на итальянскіе берега и не встрѣчали отпора, разбойники свирѣпствовали въ предмѣстьяхъ города, саранча опустошала поля, а, между тѣмъ, общественныя кассы были пусты, а церкви не посѣщались народомъ. И римляне негодовали и недоумѣвали по поводу индифферентнаго отношенія папы къ бѣдствіямъ страны. Наконецъ, возмущившаяся толпа съ угрожающимъ крикомъ появив-

Къ событіямъ въ Турціи.

Младотурецкій лагерь подъ Константинополемъ. — Селоникскія войска на молитвѣ передъ вступленіемъ въ столицу.
Съ рисунка Жильберта Голлидса.

Столкновеніе между младотурецкими и реакціонными солдатами въ Перѣ, въ европейскомъ кварталѣ Константинополя.
Съ рисунка Г. В. Кекска.

лась преть окнами Ватикана. Папа, блѣдный, осунувшійся показался въ окнѣ и взвѣстилъ пароду, что на слѣдующій же день состоится крестный ходъ и торжественное проклятіе саранчи.

Дѣйствительно, на слѣдующій день, при звонѣ колоколовъ, среди фиміама паникадилъ папа возсѣлъ на своего бѣлаго лошака и во главѣ процессіи въ 20,000 чело-вѣкъ направился мимо форума Траяна и флавіанскаго амфитеатра къ Латеронской площади. Жара стояла ужаснѣйшая, густая пыль окудывала процессію.—все это повлияло на папу настолько, что онъ падаетъ въ обморокъ со своего мула и, преждевременно разрѣшается отъ бремени.

Народъ и духовенство бросаются на Иоанну и растерзываютъ ее! Тѣло женщины-папы было погребено на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была убита, и на ей могилѣ былъ поставленъ мраморный памятникъ, изображавшій женщину, разрѣшающуюся отъ бремени. Лишь по приказанію Сикста V, въ концѣ XVI-го столѣтія, т. е. именно во времена Бароніуса, этотъ памятникъ былъ брошенъ въ Тибръ...

«Credo, quia absurdum!» — справедливо можно замѣтить по поводу этой трагической исторіи женщины-папы.

Выше средняго роста, полный, съ сильной простѣю въ бородѣ и гладко назадъ зачесанныхъ волосахъ. Мягкія черты лица, съ добродушными, умными глазами, какъ-то поверхъ очковъ смотрящими на васъ. Нѣсколько грузный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, живой и подвижной; дружеское и мягкое рукопожатіе; всегда занята и всегда готовый урвать отъ своихъ тысячи дѣлъ мину-ту-другую для нежданно ворвавшейся въ счетъ его жизни бѣсѣды. Рѣшительный и гордый, когда ему въ лицо, — а кого изъ общественныхъ дѣятелей миновала эта доля? — бросаютъ незаслуженныя обвиненія...

Эту скромную, всегда готовую, когда противъ этого не протестуетъ достоинство представляемаго имъ муниципалитета, укрыться въ тѣни, фигуру петербургскаго городского головы Николая Александровича Рѣзцова столица хорошо знаетъ.

Въ девять часовъ утра вы встрѣтите его въ трамваѣ на Суворовскомъ пр., въ часъ ночи вы увидите его возвращающимся домой съ одного изъ тѣхъ безчисленныхъ засѣданій, къ участію въ которыхъ его обя-зываетъ положеніе городского головы.

Н. А. Рѣзцовъ — коренной петербуржецъ. Здѣсь онъ родился, здѣсь протекли его дѣтскіе годы, учился, училъ, работалъ всю жизнь, не покладая рукъ; здѣсь, обязанный лишь своей личной энергіей и исключительной работоспособности, онъ прошелъ длинный жизненный путь отъ малограмотнаго купеческаго сына изъ богатой и простой семьи до образованнаго лордъ-мера, со значкомъ инженеръ-технолога, съ преподавательствомъ въ высшемъ учебномъ заведе-ніи — въ прошломъ.

Н. А. родился въ 1855 г. въ семьѣ бога-того купца, не занимавшагося торговлей, а жившаго со своего огромнаго, въ 11,000 де-сятинъ земли, имѣнія, въ Воронежской губ., гдѣ у него было громадное хозяйство, кото-рымъ въ ранней юности усердно занимался и нынѣшній лордъ-мэръ Петербурга.

— До 16 лѣтъ я не зналъ дробей, — го-сама собой кула-то уходила въ Петербургъ, ворить улыбаясь, Н. А., — зима какъ-то

а 4—5 лѣтнихъ мѣсяцевъ я проводилъ въ деревнѣ, гдѣ отдавался хозяйству...

Но такъ жить было скучно: кругомъ кипѣла жизнь — только-что завершилися 60-е годы — все стремилось къ знанію, и 16-лѣт-ній мальчикъ садится за книгу; черезъ два года онъ уже воспитанникъ 6-го класса 2-го спб. реальнаго училища, черезъ нѣ-сколько же мѣсяцевъ, обогнавъ сверстни-ковъ, выдерживаетъ экзаменъ въ седьмой дополнительный классъ, и въ 19 лѣтъ юно-ша, тайкомъ отъ отца, котораго онъ боял-ся огорчить возможной неудачей, энергично и настойчиво готовится къ конкурсному эк-замену въ технологическій институтъ, въ аудиторию котораго въ сентябрѣ онъ входитъ студентомъ-первокурсникомъ.

Въ институтѣ дѣла идутъ блестяще: мо-лодой студентъ отдается физикѣ, пишетъ подъ руководствомъ проф. Ленца нѣсколько специальныхъ работъ, и, по окончаніи ин-ститута, мы видимъ его оставленнымъ при институтѣ по кафедрѣ физики, въ качествѣ ассистента, а вскорѣ и руководителя прак-тическими занятіями студентовъ; одновре-менно молодой ученый занимается педагогиче-ской дѣятельностью: онъ преподаетъ фи-зику въ женской гимназіи Ставиской, гдѣ среди своихъ ученицъ имѣетъ, между про-чимъ, дочь Д. И. Менделѣева; отсюда зна-комство съ великимъ химикомъ, знаком-ство, которымъ Н. А. чрезвычайно доро-жить всю жизнь и о которомъ сохранилъ цѣннѣйшія воспоминанія.

Но смерть отца и выдвинувшійся съ нею заботы о громадномъ хозяйствѣ прерываютъ ученую дорогу... Приходится часто уѣзжать изъ Петербурга, и нѣсколько лѣтъ отдаются имѣнію, и, главнымъ образомъ, созданію пер-вой въ Россіи испытательной станціи для изслѣдованія бумагъ при экспедиціи заго-товленія государственныхъ бумагъ... Усо-вершенствованію писчебумажнаго произво-дства Н. А. Рѣзцовъ предаетъ съ исклю-чительной горячностью: издаетъ специ-альныя работы, редактируетъ — и это продол-жается до сихъ поръ — специальный жур-наль, наконецъ, становится во главѣ союза фабрикантовъ, не имѣющаго характера син-диката, а преслѣдующаго цѣли техническа-го совершенствованія.

Общественными вопросами этотъ — въ 16 лѣтъ, не знавшій дробей купеческій сынъ, а въ 25 лѣтъ — преподаватель выс-шей школы — интересовался давно: еще будучи студентомъ, онъ, въ качествѣ се-кретаря, принималъ дѣятельное участіе въ созданіи перваго въ Петербургѣ благотвори-тельнаго «братства» — христорождествен-скаго — нынѣ огромнаго дѣла съ полумил-ліоннымъ капиталомъ и съ тѣмъ же Н. А. Рѣзцовымъ, но уже — предсѣдателемъ... Интересъ къ рабочему вопросу толкалъ его пойти и въ экспедицію, подъ кровомъ ко-торой трудятся 4,000 челоуѣкъ.

Тотъ-же глубоко-общественный инстинктъ заставилъ его покинуть экспедицію, гдѣ да-леко не все обстоило благополучно... Вновь мелькнулъ миражъ кафедръ въ кievскомъ политехникумѣ, — но о данномъ обѣщаніи забыли, и въ 1898 г. Н. А. Рѣзцовъ — лю-бимецъ Пескова, гдѣ процвѣтаетъ «брат-ство», гласный думы, первый гласный интеллигентъ отъ Рождественской части, всегда посылавшей въ городское управленіе трактирщиковъ и полуграмотныхъ торгов-цевъ.

Въ обѣихъ партіяхъ къ нему относятся съ одинаковымъ уваженіемъ, — и прорабо-тавъ въ коночной комиссіи, пробывъ пред-сѣдателемъ водопроводной, посидѣвъ на управской трибунѣ, Н. А. Рѣзцовъ смѣня-етъ П. И. Лелянова на почетномъ креслѣ городского головы.

Въ 7 час. утра городской голова встаетъ и садится за работу въ своемъ обширномъ кабинетѣ: два большихъ письменныхъ сто-ла завалены бумагами, брошюрами, при-глашеніями, письмами... письмами безъ конца. Со стѣны смотрятъ — Менделѣевъ, Толстой, Гоголь... въ далекомъ, уютномъ уголкѣ Вл. Соловьевъ, гр. П. А. Гейденъ... на этажеркѣ бюсты Салтыкова... у стѣны — любимая бібліотека и многотомная ли-тература по писчебумажнымъ вопросамъ...

Въ 8 час. утра столовый телефонъ на-чинаетъ дребезжать — до 9-ти онъ звонитъ безъ перерыва: гласные, городской учрежде-нія и знакомые — звонятъ отовсюду: только въ это время можно застать городского го-лову. И то не всегда: иной разъ въ поло-винѣ девятого онъ уже на какой-нибудь городской постройкѣ, а въ началѣ десятаго его нѣрѣдко встрѣчаетъ нежданно и не-гаданно какая-нибудь городская больница.

Въ 10 час. — одинъ въ своемъ служеб-номъ кабинетѣ — онъ читаетъ грудъ управ-скихъ журналовъ, а къ началу двѣнадцатаго часа — четыре раза въ недѣлю — приемная уже полна просителей.

— Боже мой, съ какими только дѣлами не приходится ко мнѣ: отъ просьбы о мѣстѣ до семейнаго горя включительно... а сколько жалобъ, сколько разказовъ о безпорядкахъ и безобразіяхъ... Прому написать — отказы-ваются: «затрутъ», говорятъ... И по почтѣ вѣчныя жалобы, вѣчныя — и всегда аноним-ныя — «вскрыванія злоупотребленій»...

День — все въ той же суетѣ: «маленькая дума», присутствіе по регистраціи союзовъ, присутствіе по дѣламъ города Петербурга, время отъ времени сенатскія засѣданія, по-ѣздки въ министерство, — одно обгоняетъ другое.

По вечерамъ вы не застанете городского головы дома: засѣданіе думы, санитарно-исполнительная комиссія, медицинскій со-рѣтъ, какое-нибудь думское совѣщаніе — все это не оставляетъ ни минуты для себя, все это требуетъ в с е г о челоуѣба, кото-рому лишь съ трудомъ удается урвать 4—5 часовъ на сонъ.

Пріѣзжаетъ Н. А. Рѣзцовъ къ однимъ знакомымъ на дачу. Предлагаютъ отобѣдать. Сѣдется.

«Обѣдать?» говоритъ: «къ этому я не привыкъ — такъ, перекусить что-нибудь, съ удовольствіемъ».

Въ памятные дни холеры онъ развернулс я во всю: въ 8 утра его уже нѣтъ дома, при-емныя секретари, у домашняго телефона — без-смысленны секретари, а самъ — изъ засѣданія къ министру, отъ министра на постройку, отуда въ Красный Крестъ; затѣмъ — въ больницы, въ санитарные пункты... Когда онъ спалъ, никто не могъ понять.

Всегда въ самой гущѣ, въ толпѣ, весь «въ вихрѣ вибрионовъ», смѣясь, ѣтъ груши и арбузы, а семью — жену и взрослую дочь — въ Петербургъ не пускалъ.

Н. А. Рѣзцовъ — «дѣловой» городской го-лова, а не для представительства: это — упрочившаяся репутация.

Лифтъ поднимаетъ васъ въ пятый этажъ большаго дома на Суворовскомъ пр., къ двер-ямъ скромной квартиры лордъ-мера. Прие-мовъ въ этой квартирѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и лежановскихъ раутовъ: тысячи знакомыхъ, но это все — «для дѣла», а въ частной жизни уютная квартира открыта лишь для тѣснаго кружка друзей.

— Я и самъ нигдѣ не бываю — некогда: официальные визиты, конечно, неизбѣжны, но для себя — времени не хватаетъ.

Такъ живетъ и работаетъ петербургскій городской голова. Н. В.

ОБЪЕДИНЕННАЯ ГРУППА УМЕРЕННО-ПРАВЫХ ЧЛЕНОВЪ Г. ДУМЫ И Г. СОВѢТА.

Со снимка, сдѣланнаго членомъ Гос. Думы Сазоновымъ у себя на квартирѣ.

Въ первомъ ряду: графъ Н. В. Стенбокъ-Ферморъ; членъ Гос. Совѣта А. Б. Пейдгардъ; П. П. Балашовъ. Во второмъ ряду: Д. Н. Члхачевъ; кн. Кильдишевъ; А. С. Гижикій; А. А. Потонкій и графъ Чернышевъ-Возобразовъ.

Извѣстная драматическая артистка
Г. Е. Каминская.
(Къ гастролямъ въ С.-Петербургѣ).

Къ пребыванію чрезвычайной китайской миссіи въ С.-Петербургѣ.

Со снимка фотографа Н. Елецкаго.

Группа членовъ миссіи. Въ центрѣ, въ лентахъ ордена св. Станислава: китайскій посолъ въ Спб. Са-Инь-Ту, императорскій комиссаръ, мукденскій губернаторъ, Танъ-Шао-Ли и секретарь, принцъ Тзе-Фу; по сторонамъ ихъ сидятъ: секретари Шунгъ-Мунъ-Ю и Ли-Чингъ-Фенъ. Во второмъ ряду стоятъ: секретари Фунгъ-Юень-Тингъ, Хао-Шу-Дзи, Ченгъ-Чингъ-Ши и Вангъ-Ченъ-Цзу.

Прибывшая 31-го марта въ Петербургъ китайская миссія во главѣ съ чрезвычайнымъ посломъ Танъ-Шао-Ли и принцемъ Тзе-Фу покинула Пекинъ еще прошлой осенью и отправилась сначала въ Америку для выраженія правительству Сѣверо-Американскихъ Штатовъ благодарности за отказъ въ полученіи 4 милл. долла-

ровъ, которые причитались Америкѣ, какъ государству, участвовавшему въ подавленіи боксерскаго движенія.

По словамъ одного изъ членовъ чрезвычайной китайской миссіи, въ задачи миссіи входитъ также изученіе финансоваго устройства государствъ, которыя они посѣщаютъ.

Глава миссіи везетъ съ собой письма вла-

стителя Небесной имперіи ко всемъ главамъ европейскихъ государствъ. Въ письмахъ подтверждаются дружественныя отношенія Китая ко всемъ государствамъ.

10-го апрѣля миссія имѣла честь быть представленной Его Императорскому Величеству Государю Императору и члены ея получили орденъ св. Станислава.

НАБРЮШНИКИ фланелевые
вязанные,
«Д-ра Егера. Отъ 1 руб.
ДОКТОРСКІЕ ХАЛАТЫ
Ю. Готлибъ, Владимірскій пр., л. 2.
ул. Невскаго. Тел. 49-38»

ДУХИ
АЛЬБОРЪ
стойкій,
ПРІЯТНЫЙ ЗАПАХЪ.
Тов. А. Ралле и Ко.

Непромокаемая
ПАЛЬТО и
НАКИДКИ
мужскія, дамскія и
дѣтскія
МАТЕРЧАТЫЯ и РЕЗИНОВЫЯ
НОВЫЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ.
Остатки партій прошлыхъ
лѣтъ отпускаются съ боль-
шой скидкой.
ОФИЦЕРСКІЯ
пальто и накидки
имѣются въ любую мѣрку.
ВОЕННЫЕ ГАЛУСТУХИ съ
резиновымъ кантомъ, не
требуютъ стирки.
Конст. Мальмъ
СПБ., Морская, 34/0.
Телефонъ 13-92.

ЦВѢТЧНЫЙ
Колонъ
ВЕРА-ВІОЛЕТТА
ТОВАРИЩЕСТВА
ГИГИЕНА
С-ПЕТЕРБУРГЪ
Оптовая продажа у Товарищества
С.-Петербургскаго ТЕХНО-Химическаго
Лабораторія.

Олимпъ ЛУЧШІЙ
ТАБАКЪ МІРА!
Цѣна 1 ф. р. 3.20, 4.40, 6 р.
Табачный магазинъ
"КРЫМЪ-КАВКАЗЪ"
Литейный пр., 21. Тел. 32-06.

МЫЛО ЗА
ПОЛЦЫНЫ
по 2 р. 50 к за пудъ.
Мраморное, розовое, синее,
сѣрое и перламутровое очень
хорошее и экономное. За вы-
сокое качество заводъ удо-
стоился получения на Париж-
ской выставкѣ диплома выс-
шей награды «Grand-Prix» съ
золотой медалью. Высылаю
въ ящикахъ по 3 и 5 пудъ.
Бруски по 1 ф., 4 ф., 8 ф. и
10 ф. По получении зататка
1 руб. на каждый пудъ. Меньше 1 ящика
3-хъ пуд. не высылаю. Адресъ: Одесса,
Мыловаренный заводъ
Х. КОГОНА.
Контора: ул. Базарной и Ришельевской,
№ 45/43-2. Телефоны: 12-52 и 50-99.
P.S. Оптовая продажа материаловъ для
мыловаренныхъ заводовъ. Требуются
агенты.

ТОЧЕНИЕ и ПРАВКА
бритьевъ, ножницъ, машинокъ для
стрижки.
НИКЕЛИРОВАНИЕ и СЕРЕБРЕНИЕ
скоро добросовѣстно и недорого.
ЛЕОНАРДИ.
СПБ., Пассаажъ, маг. № 53.
Существов. съ 1867 года.

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОТЪ СУЩЕСТВУЮЩЕГО
РЕВМАТИЗМА
и
ИНФЛУЭНЦЫ
ПРОДАЕТСЯ
ВЕЗДѢ
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
СПЕТЕРБУРГЪ
НИКОЛАЕВСКАЯ
№ 16
Ф. А. РИХТЕРЪ

БОРЖОМЪ
Превосходная
ЛѢЧЕБНАЯ и
СТОЛОВАЯ ВОДА.

ДЕШЕВО
ПРОБРАСИ МОЖНО
КРОВАТИ, МАТРАЦЫ
ТОЛЬКО «ФАБРИКАНТА»
А. Е. ПРЬЛОВСКАГО
АТАКЖЕ
УМЫВАЛЬНИКИ
ВАННЫ КОЛѢСНИ, ВАННЫ
ГОРОХОВАЯ ул. 27.

КАКАО
ЭЙНЕМЪ
САМЫЙ ЗДОРОВЫЙ
УКРѢПЛЯЮЩІЙ
ПИТАТЕЛЬНЫЙ
НАПИТОКЪ.

Тов. Н. Я. Марулинъ и Ко
Владимірскій пр., д. 10.
(бель-этажъ). Тел. 48-34.
Въ большомъ выборѣ случай-
ные брилліанты, золотыя и
серебр. издѣлія.
Столовое серебро глад. и чекан-
ное готовыми наборами на
12 и 24 персоны.
Вещи для подношеній,
а также покупка **БРИЛЛАНТОВЪ**
ЖЕМЧУГА, ИЗУМУР-
ДОВЪ, ЦВѢТН. ДРАГОЦѢННЫХЪ
КАМНЕЙ, СЕРЕБРА и КВИТАН-
ЦІЙ ЛОМБАРДОВЪ на ЗАЛОГИ
ДРАГОЦѢННОСТЕЙ.

1903 1908
Молоко Швейцарскихъ Козъ
"ДѢТСКОЕ ЦѢЛЕБНОЕ"
ПЕРВОЙ въ РОССІИ молочной фермы
кровныхъ швейцарск., зааннентальскихъ
безрогихъ козъ.
Молоко очень вкусное и АБСОЛЮТНО НЕ ИМѢЕТЪ ЗАПАХА,
присущаго простымъ козамъ.
Золотая медаль 1908 г. НА ГИГИЕНИЧЕСКОЙ
ВЫСТАВКѢ.
СПб., Старо-Петергофскій пр. 38, кв. 9.

Торговый домъ
КОНЧАЕВЪ
и **ВОЛКОВЪ**
Гостинный дворъ,
129.
цѣны дешевыя.
БЕЗЪ ЗАПРОСА.

ЛѢТНІЯ ТКАНИ
лучшихъ иностранныхъ русскихъ фабрикъ.
ВСѢ НОВОСТИ
шерстяныя, бумажныя и полотняныя, какъ высшія,
такъ и недорогія
ПОЛУЧЕНЫ.
Исключительно богатый выборъ, непрерывно
пополняемый вновь выходящими новостями.
Огромный выборъ **суконъ, шевіота и модныхъ ан-
глійскихъ матерій для весеннихъ костюмовъ.**

ИСПРОБУЙТЕ
Чистоль
С.М. ЛИНДЕРЬ, С.ПБ.

ПАПИРОСЫ
КАДО СРЕДН. ФОРМ.
НЕВА КРУПН. ФОРМ.
10 шт. 6 коп.
Т-ва БР. ШАПШАЛЬ
СОБСТВ. МАГ. НЕВСКИЙ 30
МОРСКАЯ 36.

Не теряя ни одной минуты, свистите и приобретайте ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ФИЛЬТРЫ.

Годны для любого крана. Наступает весеннее время — опасное в эпидемич. отношении, и первое условие предосторожности:
ЧИСТАЯ ВОДА!
СКЛАДЪ ВЪ ТОРГОВОМЪ ДОМѢ ОПТИКА И МЕХАНИКА
А. Бурхардъ
СПБ., НЕВСКИЙ, 6.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
55 НЕВСКИЙ БЛИЗЪ ВЛАДИМИРСК. МЕЧЕРЬ
МЕТАЛ-ВЪЯНКОВЪ

Чулки безъ шва, лучш. материал, нелиноч. краски, дожин. по бр., 9 р., 12 р., и 15 руб. необ. прочности; также м. носки луж. 4, 5, 6 и 8 р. дѣтскіе чулки съ тройными колѣнками отъ 40 к., № 1, реком. складъ чулочн. издѣлій.
Д. ДАЛЬБЕРГЪ.
СПБ. Гороховая, ул., д. 16.
Товаръ высылается налож. плат.

Т/д Ю. и О. КУРОВСКІЕ и К^о.
БРОНЗОВЫЯ ВАЗЫ, ФИГУРЫ, ИМ. САКСОНСКАЯ ЯПОНСКІЕ теплыя дамонѣ халатки и куртки англійскаго фасона.
ВИЖУХ Роскошныя КУКЛЫ.
Главн. магазинъ СПБ., Морская, 22.
Отдѣлен. хозяйствен. принадлежн. СПБ., Казанск. 34.

НОВОСТЬ!

Асти-Рове, превосходное итальянское игристое вино	1 руб. 10 коп.
Кьянти	за фiasco 65, 90, 1 " 50 "
Марсала-Гарибальди	1 " 50 "
Асти-суманте	1 " 10 "
Везувіо-мускато	1 " 10 "

Очень рекоманд. Бордоское вино
Медокъ красн. 60 коп., Серонъ бѣлый 60
Майнтранкъ 1 " —
Крюшонъ ананасн. 1 " —
" земляничнй 75 "

Всеѣ вина внѣ всякой конкуренціи.
Милютинъ рядъ, 29, у Кузнецова, телеф. 908.

П. ПЕРЛМАНЪ РИГА. Переводъ № 128
Паровая Мельница. М. Г. Пура, 23 Ноября 1907 г.
Мельничная ул., № 163.

Настоящимъ имѣю честь уведомить Васъ, что на моей паровой мельницѣ, на Мельничной ул. 163, произошелъ пожаръ въ деревянномъ зданіи, причѣмъ имѣющіеся 4 огнетушительныхъ аппарата „МИНИМАКСЪ“ были приведены въ дѣйствіе и пожаръ былъ скоро потушенъ. Я съ удовольствіемъ могу подтвердить, что, благодаря примѣненію этихъ аппаратовъ, моя мельница была спасена отъ уничтоженія огнемъ и Страховому Обществу былъ предотвращенъ значительный убытокъ. Я Васъ покорнѣйше прошу доставить мнѣ новые заряды для 4 аппаратовъ.
Съ совершен. почтен. П. Перлманъ.

МИНИМАКСЪ признанъ наилучшимъ, благодарнымъ и необходимымъ ручнымъ огнетушителемъ для Самопомощи при возникновеніи ПОЖАРОВЪ.
МИНИмалень по вѣсу, величинѣ и цѣнѣ. МАКСималень по простотѣ конструкціи и дѣйствию.

Долженъ находиться вездѣ, гдѣ опасность ПОЖАРА.
тушащая жидкость совершенно безвредна.
Многолѣтняя прочность.
Э. БЕЗЕНВРУХЪ,
С.-Петербургъ, В. О., Большой пр., 27.
Москва, Чистые пруды, д. Кабанова, № 17.

Космѣдхяя кобость!
духи
„ФЛОРЕНТИЙСКАЯ РОЗА“
дубко-хѣмжаго и смойкаго запаха.

Парфюмеріи
М-ва Р. Келеръ и К^о.
Продаются вездѣ.

№ 4711.

PARFUM CORDIALE
Духи „КОРДИАЛЬ“
новѣйшіе модные духи
по прелести и крѣпости ЗАПАХА
не имѣющие себѣ подобныхъ.
Ферд. Мюльгенсъ
КЕЛЬНЪ НА РЕЙНѢ.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

КОРСЕТЫ
обыкновенные, гигиенические и французскіе вязанные
БЮСТГАЛТЕРЫ.
НАБРЮШНИКИ И
всевозможныя принадлежности
Дамской гигиены. © Модели изъ Парижа.
Разные фасоны и конструкціи.
Магазинъ С.-Петербургской бандажной фабрики
Маркуса Закса.
Литейный пр., 45—1, прот. Бассейной. Телефонъ 238—40.
Брошюры высылаются по требованію.

Пользуйтесь плодами техники!!

XX вѣкъ, благодаря своему колоссальному развитію въ технич. области, принесъ намъ интересную и полезную новинку карманные часы „Юліанъ“, которые указываютъ мѣсяцъ, день, число, часъ, минуту и секунду. Часы „Юліанъ“ по своей целесообразности вытѣсняють обыкновенные часы изъ употребленія. Не приобретите часовъ „Юліанъ“ — это значитъ не пойти за прогрессомъ, не пользоваться плодами цивилизаціи. Часы носятъ названіе въ честь перваго изобрѣтателя календаря-Юліана, они устроены какъ обыкновенныя часы, т. е. колесовымъ механизмомъ, изъ черной вороненой стали, холь аккерный на камняхъ, вывѣренные до минуты.
Цѣна 4 р. 50 к., 2 шт. 8 руб. 50 к. Пересылка 40 к., въ Сибирь 65 коп. Высылаемъ налож. платежомъ.
М. О. МЕЛЬНИКЪ, С.-Петербургъ, Невскій пр., 72.
Прошу не смѣшивать съ Варшавой.